

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ПАВЕЛ МАКАРОВ
ПЕРЕКРЕСТКИ СУДЬБЫ

FC FUTURE CORP

Метро

Павел Макаров

Метро 2033: Перекрестки судьбы

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Макаров П.

Метро 2033: Перекрестки судьбы / П. Макаров — «АСТ»,
2017 — (Метро)

ISBN 978-5-17-104789-4

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Перекрестки судьбы – это причудливое скрещение людских путей. В Коломенском, где в подвалах старинных построек ютится горстка уцелевших, двое парней замышляют поход в метро. Приходится прихватить с собой и девушек. Одна – умница и просто красавица, другая – одержимая, изрекающая туманные пророчества. Что их ждет в суровом мире – удача или смерть, счастье или крушение иллюзий? В то же время другой человек, с товарищами по несчастью на станции «Деловой центр» отрезанный от большого метро, пускается в путь по реке. И дороги их неожиданно пересекаются. В отличие от молодежи, загадочный пришелец из Москва-Сити кое-что знает о жизни в метро. И знания эти – опасны...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104789-4

© Макаров П., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Дороги, которые мы выбираем	7
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Павел Макаров

Метро 2033: Перекрестки судьбы

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д. А. Глуховский, 2017

© П. Макаров, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

«Роман удался на славу. Читать было безумно интересно. Живые люди со своими страстями и характерами противостоят обстоятельствам и самой судьбе. Матерна – потрясающая, Демид – необычайно харизматичен... Каждый герой на своем месте, и каждый на все сто выполняет свою миссию, пересекаясь с другими. А встреч будет много. Ведь этот роман недаром называется «Перекрестки судьбы». И времени на раздумья у камня у наших героев может и не оказаться...»

Дмитрий Глуховский

Дороги, которые мы выбираем

Объяснительная записка Вадима Чекунова

Когда мне было пятнадцать лет, я проходил производственную практику в большом по меркам того времени магазине, на углу Грохольского и Астраханского переулков. Мучился в душной подсобке бакалейного, где все вечно сыпалось, терялось, путалось в одинаковых серых мешках и бумажных пакетах – разве что коробки с конфетами радовали своим цветастым и вкусным содержимым. Таскал кругляши сыра, брикеты масла и огромные бидоны со сметаной в молочный. Сторонился пахучего и склизлого рыбного отдела, всячески избегал землесто-сырого, отчетливо пахнувшего могилкой овощного. Мечтательно присматривался к винному, где мне, школьнику, понятное дело, работать не разрешалось. Зато меня вскоре взяли под свое шефство два татарина-мясника. Принялись учить рубить туши, затачивать ножи и топоры, а также преподавали азы торговой премудрости. Там-то я и познакомился с Витей-Зверем, человеком неординарных способностей. Он работал в мясном отделе грузчиком, и большую часть времени проводил в отдыхе на сваленных на полу телогрейках и халатах, лежа в позе подстреленного на дуэли Пушкина и взирая на всех сонными тупыми глазами. Витя, не закусывая, мог разом выпить бутылку водки, без стакана, прямо из горлышка, и не запянеть. Еще у него был невероятных размеров живот, удивительно крепкий и тугой – им Витя-Зверь вышибал на спор запертые на ключ двери. Еще он умел громко пукать, имитируя звук различных транспортных средств – от трактора до мотоцикла. В общем, человек был колоритный. Он-то и взялся учить меня правилам жизни, очевидно, отчасти от скуки, а отчасти из ревности к обучавшим меня мясникам. «Под сидячую задницу портвейн не течет!» – выдал Витя-Зверь мне одну из сентенций в наиболее близкой для себя самого форме и на мгновения его взор даже прояснился. «Хочешь добиться чего – не сиди на месте!» – добавил он, уже понимая, что в его исполнении это выглядело слегка комично. Вите было под сорок лет – мне он казался совсем старым – и всю свою сознательную жизнь он провел в кладовке и разделочной этого магазина. У него не было даже семьи. В общем, посмеялись и забыли. Все, кроме самого Вити. В один из дней он не вышел на работу. И на следующий день не появился. Через неделю отпала версия «опять забухал, скотина». Вити нигде не было, его даже милиция принялась искать. Пропал с концами.

Я вскоре закончил практику, потом окончил и школу, и поступил в вуз – и только тогда случайно повстречал одного из своих учителей-мясников, который и рассказал мне, что случилось с Витей-Зверем. Тот в конце концов объявился спустя пару лет. Узнать его можно было с трудом – поджарый, веселый, с привезенной то ли из Суздаля, то ли из Ярославля женой. «Я вдруг понял, что если не пойду никуда – мне конец. И тогда я взял и пошел», – пояснил Витя бывшим коллегам. Пошел в буквальном смысле – без всякой подготовки, пешком, из Москвы, почти без денег, в одежде, которая была на нем. Без цели, как таковой. Просто пошел, по городам и весям. В общих чертах его маршрут совпал с так называемым Золотым Кольцом России – Витя посетил соседние с Москвой области, навестил кучу древних городков. Где-то шабашил, где-то слегка воровал, где-то попрошайничал, где-то его привечали одинокие женщины... Ел простую еду, пил колодезную воду, мылся в реке, сидел у костров, любовался рассветами и закатами. Смотрел на звездное небо и на соборные купола. Нашел свое счастье в виде застенчивой хохотушки, детей планировали завести. С Вити слетела былая сонная одурь, от имени его отвалилась дурацкая кличка-приставка. Он даже пить перестал и был совершенно счастлив.

О Вите я вспоминал и потом, когда писал курсовую работу о мотиве дороги в произведениях русских писателей. Движение, испытание, поиск и обновление – это может нам дать лишь

дорога. Это прекрасно понимали такие разные люди, как Пушкин, Лесков, Некрасов, Лермонтов, Гоголь и Витя-Зверь. Просто каждый из них получал от дороги именно свое – встречая предназначенное, пересекаясь с чужими судьбами и формируя свою.

Да разве не бывало такого с каждым из нас – когда хочется просто «взять и пойти»? Выбраться на простор и отправиться в «прекрасное далеко», которое вовсе и не особо прекрасно может быть, но все равно зовет и манит... У кого-то есть четкая цель, и чтобы достичь ее, сгодятся любые средства. А кто-то стремится к заведомо недостижимым звездам, ничуть не печалась из-за невозможности конечной цели, но обретая в пути все то, чего ему не хватало в прежней жизни.

А кому-то предстоит выбор в «сто путей и сто дорог», а нужно сделать конкретный, и нет никаких гарантий, что выбор будет правильным. Но это неважно – все равно ты повстречаешь друзей и врагов, солнце будет жечь тебя, а ветер трепать твои волосы, и каждый раз ты будешь покидать родной дом, искать смысл жизни...

Вперед, друзья.

К новым дорогам, поворотам и перекресткам.

Глава 1 НАЧАЛО

– А я тебе говорю, что Коломенское основал римлянин по имени Карл Колонна!

– Глупости все это! Не было у римлян таких имен. Черт его видел, этого Карла, был он тут или нет – дело темное!

– Не поминай нечистого к ночи! Ибо сказано... – Бородатый старик в домотканой рубаше наставительно поднял палец. Пламя освещало лицо старика красными бликами, зажигая зловещие огоньки в его глазах. Стас так и не дослушал, что было сказано дальше. «Опять Сергей Семеныч и Матвей за свое взялись», – подумал он. Впрочем, что еще им остается теперь, как не по тысячному разу перебирать легенды, перевоевывать старые войны. Смысла в этом никакого, ибо последняя, глобальная война была проиграна двадцать лет назад – проиграна безнадежно, всеми. Победивших не было, и лишь немногие уцелевшие скрывались теперь по подземельям от радиации – вот как они.

Судный час наступил для них, когда они находились на экскурсии в музее-заповеднике «Коломенское». Впрочем, про Стаса сказать «присутствовал на экскурсии» было бы не совсем точно, потому что он тогда находился в животе у матери. И о том, что произошло в тот страшный день, знал лишь по рассказам выживших. Он представлял себе дивный летний день, нарядных людей, прогуливающихся между старинными храмами и вековыми дубами, глядящих с высокого берега вниз, где под холмом катила свои воды Москва-река. Щебет птиц, аромат цветов – и вдруг откуда-то издалека вой сирены и усиленный динамиками мужской голос, неразборчиво повторяющий вновь и вновь страшные, непонятные слова. Люди заметались, не зная, что предпринять. Некоторые кинулись к выходу из парка. Кто-то зачем-то побежал вниз, к реке. Кто же первым догадался в те решающие минуты, что нужно бежать в подвалы? Теперь этого уже никто не помнил, и почти каждый из старожилов приписывал эту честь себе. Но какая теперь разница?

Первые несколько дней они так в подвалах и просидели, прикончив скудные запасы еды, которые у некоторых особо предусмотрительных оказались в тот день с собой. Потом самые храбрые принялись осматривать здание и нашли-таки в одном подсобном помещении несколько костюмов химзащиты и противогазы. Помянули добрым словом дальновидное руководство музея, проявившее заботу о сотрудниках. Стали иногда выходить на поверхность, натаскали из отдаленного флигеля меда. В первое время пока не обжились, не осмотрелись в новых условиях, это было большим подспорьем.

О загадочных подземельях Коломенского слухи ходили еще до Катастрофы, теперь бывшим экскурсантам представился случай лично обследовать эти места получше. За двадцать лет они успели обжить три просторных подвала, соединенных между собой подземными ходами, – один из которых был проложен под старинными палатами, другие два – под храмами. Потом нашли еще один, засыпанный наполовину, подземный ход. Иногда, в свободное от насущных забот время, его потихоньку раскапывали, хотя понятия не имели, куда он ведет. Ходили слухи, что ни много ни мало в Кремль, но до самого Кремля докопаться никто и не мечтал, тем более что проблем и так хватало. В первый же год сообразили, что по весне надо бы посеять картошку. Спасибо Сергею Семеновичу, который героически сберег материал для посева, не скормил оголодавшим, устоял перед слезами и мольбами. Да и ведь не умер никто от голода – больше от лучевой болезни умирали. Особенно те, кто на поверхность поднимался часто. А остальные, хоть и исхудали, кое-как дотянули до весны.

И до воды они докопались – был небольшой колодец прямо в подземелье. Воду старались очищать хоть как-то, самодельными фильтрами. Еще промышляли охотой и бортничеством.

Первые несколько лет на реке еще водились утки, была рыба, прибегали даже зайцы из стирающего рядом парка. Да и яблоневые сады Коломенского славились еще до Катастрофы – многие москвичи ближе к осени приезжали сюда с сумками и рюкзаками, главное было – успеть вовремя, чтоб другие любители фруктов не опередили.

Правда, постепенно зайцы и утки куда-то делись, а в реке, наряду с рыбой, появились странные существа. Однажды ночью, когда несколько человек, в том числе и женщины, спустились к реке – нарвать водных растений с сочными клубнями – что-то размером с крокодила шустро выбралось из воды, схватило одну из женщин и утащило. Остальные даже опомниться не успели. С тех пор женщинам к реке ходить запретили, тем более что иногда течением к берегу приносило и трупы.

Первый из них обнаружили спустя пару лет после Катастрофы – тело мужчины в химзе и противогазе прибило к берегу. Беднягу зарыли тут же, неподалеку. Следующий принесло спустя год. Одежды на несчастном почти не осталось, на теле были раны, похожие на ножевые. Возможно, защитный костюм снял с него убийца, а может, разодрали речные обитатели, которые успели его прилично обглодать. Вскоре жители общины перестали удивляться жутким находкам, хоронили найденные тела в общей могиле и старались не рассказывать о них женщинам. Последнее время обнаруживали их редко – возможно, некоторые тела просто не доплывали, их съедали еще по пути.

Те, кто ходил на поверхность, рассказывали, что иногда слышали со стороны города звуки, похожие на выстрелы. Значит, кто-то еще уцелел. Но обитатели Коломенского не стремились наладить внешние контакты, справедливо рассудив, что от этого может быть больше вреда, чем пользы. Тем более что живущим здесь, в заповеднике, нетрудно было найти общий язык, ведь в тот страшный день все они волею судьбы оказались на экскурсии по заповеднику старины, то есть были людьми мирными, тянувшимися к прекрасному и интересовавшимся родной историей. Поэтому перспектива столкновения с агрессивными чужаками пугала: – как те себя поведут, не нарушат ли зыбкое равновесие маленькой общины?

Бывшим экскурсантам виделось в случившемся даже нечто судьбоносное, словно они были избранными, оттого и выжили. С ними вместе в тот день спаслось и несколько сотрудников музея. Правда, были это в основном пожилые женщины, и к настоящему моменту никого из них уже не было в живых, но рассказать об истории здешних мест в долгие досужие вечера они успели немало. А если учесть еще то, что успели выжившие услышать во время экскурсий в тот страшный день, информации об окружающих местах у них было более чем достаточно. И она свято хранилась, передавалась из уст в уста. Любой ребенок общины мог рассказать, что когда-то на этом месте, на холме над рекой, было древнее городище железного века. Потом возникло поселение славян, ставшее со временем любимой резиденцией русских князей, достигшее своего расцвета при царе Алексее Михайловиче. А лет за сто до Катастрофы стало это место музеем-заповедником, на радость всем оказавшимся здесь.

Понятно, что у подрастающих в подземельях немногочисленных детей была возможность учить историю на наглядных примерах, благо экспонатов музейных осталось предостаточно. Впрочем, из-за резкого расхождения преподавателей во взглядах на новую и новейшую историю молодежь лучше всего изучила именно ранний период славянской государственности, а о последних двух веках, предшествовавших Катастрофе, представления у учеников были самые смутные. Учили их и азам математики, и чтению, и на всякий случай Закону Божию. Ибо творились здесь порой вещи необъяснимые и странные, и детей старались оградить от возможных происков недобрых сил.

Взять, например, находившийся поблизости Голосов овраг. Странный туман поднимался иногда оттуда – зеленоватый, неправильный. Из уст в уста передавалась история о загадочном исчезновении здесь в древние времена отряда татар, который вернулся обратно, но уже лет 50 спустя. Где плутали они все это время – так и осталось загадкой. Рассказывали еще о каких-

то двух крестьянах, которые забрели в этот овраг и пропали тоже лет на двадцать. Хотя это звучало уже не так убедительно. Может, никуда они и не пропадали вовсе, а просто сбежали. А еще, говорят, видели тут в советские времена какого-то волосатого человекообразного гиганта. Да не очкарик какой-нибудь впечатлительный видел, а самый что ни на есть морально устойчивый советский милиционер, который и попытался вступить с чудовищем в неравный бой. Но убить его так и не смог, хотя сам, к счастью, не пострадал.

А на дне того оврага лежали древние камни: один назывался «Голова коня», другой – «Девичий». Поговаривали, что обладают эти камни таинственной силой – то ли жертвы здесь приносили в древние времена, то ли еще какая жуть была с ними связана. Известный материалист Матвей всем доказывал, что камни эти никакого исторического значения не имеют, они просто мирно лежат здесь с давних пор, а мистические свойства незадолго до Катастрофы стали им приписывать экзальтированные девушки, желающие чему-либо такому поклоняться. И все же камни были очень популярны, особенно среди женского населения подземелий. Стас знал, что Ксюша как-то ходила наверх просить камни о своем, о девичьем. Он дорого бы дал, чтоб узнать, о чем именно просила она.

Словно в ответ его мыслям, послышались легкие шаги. Ксения, в длинной рубашке, с красной лентой в русых волосах, в обрезанных валенках – полы были земляные, холодные, хоть и пытались их выстелить соломой, – шла к спорившим у костра с кувшином в руках. Стройная фигура ее чуть покачивалась на ходу.

– А-а, Ксюша. Много наткала? – приветствовал ее Матвей.

– Малому на рубашечку, – улыбнулась Ксюша. Матвей приосанился. Древний ткацкий станок был запущен его усилиями. Стас и Савелий уверяли, что чем мучить женщин еще и этой обязанностью, проще одежду раздобыть в городе, но Матвей не соглашался. Полное самообеспечение и автономия – вот то, что он проповедовал. Хотя даже простое, казалось бы, изготовление нитей для того, чтобы ткать, тоже было проблемой.

– А заодно и бабы без дела сидеть не будут, – уверял Матвей.

В прежней жизни не так далеко от станции метро «Коломенская», на берегу реки, была когда-то детская ярмарка. Но что там было теперь, спустя двадцать лет, никто не знал.

– А может, сходить все же на эту ярмарку? – неуверенно предложил Стас. Ему было жаль Ксюшу, которая гнула спину над станком, получая от тяжелого труда более чем скромные результаты.

– Раньше до нее было три остановки на троллейбусе от метро, – протянул Матвей. – Три остановки. Сейчас это около получаса ходьбы. За полчаса в городе тебя могут сто раз убить.

Он был прав. За двадцать лет многое изменилось. Люди ушли с поверхности, но зато теперь на развалинах отлично себя чувствовали порождения радиации – новые, чудовищные формы жизни. Как ни странно, больше всего мутантов было в городе, а заповедник же находился как бы на отшибе, словно неведомые силы его оберегали. Но и сюда забегали временами странные животные, похожие на помесь волка с крысой, или же прилетали уродливые создания, напоминающие драконов из старых сказок.

– И это если идти от метро, – продолжал Матвей, – а от нас еще дальше. Если только зимой, по реке, по льду туда наведаться? Но стоит ли оно того? Мне кажется, лучше уж поискать торговый центр – у метро наверняка какой-нибудь да нашелся бы.

– Я как-то слышал стрельбу как раз со стороны метро, – задумчиво сказал Сергей Семенович. – Возможно, там тоже живут люди, но в таком случае глупо надеяться, что за столько лет они не разграбили все торговые точки возле метро.

– Не надо, Стас, не дойдешь ты туда, – в отчаянии сказала Ксения. – Я лучше буду целыми днями сидеть за станком, чем отправлю тебя на верную смерть.

– Но ты измучаешься за этой работой, – возразил Стас.

– Ну полно, Стас, я работы не боюсь. Не надо никуда ходить. Мы тут очень даже неплохо живем, спасибо Сергею Семеновичу.

Старик, услышав это, довольно хмыкнул.

– У нас теперь есть еда, а дождемся урожая – будет вообще отлично, – продолжала Ксения.

– В том-то и дело, что скоро осень. А там и до зимы не так далеко. А у нас теплой одежды уже почти не осталось, – проговорил Стас.

Это было правдой. В первое время выживших выручала одежда, найденная в запасниках музея. Сергей Семенович, например, в повседневной жизни теперь любил носить просторные льняные рубахи с вышивкой, а по торжественным случаям облачался в костюм боярина 17 века – алый кафтан с меховой опушкой, в котором старик выглядел настоящим патриархом. Нравился ему и длиннополый костюм стрельца. Невысокий лысоватый Матвей с типичным лицом научного работника, мастер на все руки, предпочитал современную одежду. Для выполнения грязных работ он надевал найденную в подсобке спецовку, а по праздникам – свой единственный чудом сохранившийся серый костюм, который он очень берег как память о прошлом. Поэтому их совещания со стороны напоминали сцены из старого фильма «Иван Васильевич меняет профессию», который самые старые из жильцов музея еще помнили.

Но увы, пролежавшая столетия ткань была не такой уж прочной. И теперь оставалось надеяться только на женщин, укрощавших ткацкий станок. И на охотников, которым иногда удавалось подстрелить крысоловца или еще какого-нибудь зверя, шкура которого могла после выделки превратиться в куртку или штаны. Но не так уж часто это случалось.

– Ксенечка, все не так опасно, как тебе кажется, – вступил в разговор Савелий, до тех пор молча строгавший в углу какую-то деревяшку. – Здесь, в парке, не так уж много живности сейчас. И вполне можно выбраться в город за одеждой и едой.

– Ты кое-что забыл, – тихонько сказала Ксения. – Есть еще и латник.

И хотя она произнесла это вполголоса, на минуту в подземелье воцарилась тишина, нарушаемая только тихим потрескиванием огня.

Латник появился не так давно. – А может, раньше они просто не замечали его. Но однажды, возвращаясь с очередной вылазки с добычей в несколько уток, очень довольные собой, парни забыли об осторожности и решили взобраться на холм по дороге, идущей вдоль оврага. И вот тогда Савелий, толкнув Стаса в бок, указал вдруг на безмолвную фигуру. Воин в латах, словно сошедший со страниц старой книги, стоял на вершине холма, словно озирая свои владения. Парни тут же кинулись в кусты и затаились. Посидев немного, они осмелились выглянуть, но на холме никого, кроме них, уже не было. Крадучись, по кустам, добирались они в тот раз домой.

Позже загадочного латника видели на крыльце одного из храмов, а однажды – даже на колокольне. И хотя до сих пор он не проявлял агрессии, но страх наводил своим видом жуткий. Все по-разному объясняли этот феномен: кто говорил, что это один из пропавших в овраге татар до сих пор ищет своих, а доспехи у него трофейные, кто считал, что это призрак, а может, вновь чудит проклятый овраг. Все сходились в одном: появление латника предвещает опасность и беду.

– Стас, – окликнул Савелий, – пойдем дровишек принесем.

И они направились в сторону дровяного склада, который находился в соседнем помещении. Стас догадывался: друг хочет поговорить с ним без свидетелей. Так и вышло.

Осветив фонариком кучу дров, плотный темноволосый Савелий уселся на более-менее удобное полено и приглашающе похлопал по соседнему. Уселся и Стас.

– Знаешь, пора уже что-то решать, – сказал Савелий. – Деды не хотят перемен, это ясно. Но почему мы тоже должны тут покрываться плесенью? Почему Ксюша должна исколоть все

пальцы иголками и ослепнуть за этим растреклятым станком, которым Матвей так гордится, словно сам его изобрел?

Стас усмехнулся. Он знал, что Сава тоже был равнодушен к девушке. А она... она, судя по всему, одинаково относилась к ним обоим. Хотя иногда казалось, что на Стаса она поглядывает чаще. Но стоило ей улыбнуться шутке Савелия, как Стас вновь терял надежду. Кто их поймет, этих женщин? Савелий ухаживал активнее, то и дело приносил Ксюше какие-нибудь древние украшения, найденные им наверху, в музее. Правда, половину тут же отбирал Сергей Семенович, уверяя, что они представляют историческую ценность.

Стас – высокий, худой, голубоглазый блондин, неторопливый в движениях, – был полной противоположностью Савелию. – Может, поэтому они и стали друзьями.

– И что т-ты предлагаешь? – спросил Стас. От волнения он иной раз начинал заикаться.

– Предлагаю самим отправиться в город на разведку. Если повезет, вернемся с добычей, а может, удастся даже узнать что-нибудь о других выживших. И с нами будут потом считаться, а то смотрят, как на молодежь зеленую. Не дает нам хода старшее поколение – вот, что я тебе скажу. И не очень мне нравится то, что у нас происходит.

– А что? Все вроде нормально, – сказал Стас. – Семеныч – молодец, управляет общиной толково. Еда у нас есть, од-дежду найдем.

– Ты дальше своего носа не видишь, – упрекнул Савелий. – Надо нам заявить о себе, иначе так и будем на побегушках. Семеныч из себя уже чуть ли не царя корчит. Ксюшу так и норовит по волосам потрепать. Того и гляди устроит нам не сегодня-завтра выборы царевой невесты, а мы и пикнуть не посмеем.

– Да ты что? – возмутился Стас, которому такое и в голову не приходило.

– А ты как думал? Что он о тебе печется? Прикольно!

«Интересно, – подумал Стас, – а Сава с таким жаром меня сейчас агитирует против Семеныча для того, чтоб Ксюшу со мной свести? Или все же для себя старается?»

Но об этом можно было подумать потом, а пока Стас согласился, что неплохо было бы как-то заявить о себе.

– Давай следующей ночью отправимся на вылазку, – подбивал его Савелий. – Нашим скажем, что поблизости прогуляемся, поохотимся, а сами сходим в город. До метро не так далеко, к утру обратно вернемся, а повезет – так и с с добычей. Тогда на нас будут смотреть уже по-другому.

– На тебя и так Маруся во все глаза смотрит, – усмехнулся Стас, стараясь потянуть время.

Марусей звали кухарку, которая отменно стряпала, но была пуглива и суеверна до крайности. Когда приключилась Катастрофа, ей было лет семь. Мать ее в суматохе осталась на поверхности, а девочка затерялась в толпе бегущих в подвал. Видимо, Катастрофа произвела на ребенка такое сильное впечатление, что с тех пор в голове у бедняжки никакие сведения не задерживались, читать она умела лишь по складам и кое-как считала до десяти. Зато обо-жала страшные истории и Савелия. Как только он появлялся в поле ее зрения, у нее широко открывались глаза, лицо делалось сонным и глупым, и все начинало валиться из рук. Так она переколотила немало плошек и горшков века шестнадцатого и ранее, чем очень раздражала Семеныча. Все в убежище добродушно подшучивали над ней, а Савелий злился. Вот и сейчас даже в полутьме было заметно, как он вспыхнул.

– Ладно, хватит ваньку валять, ты согласен, или я один пойду?

– Согласен, – решил Стас.

– Ну, тогда так и порешим, – сказал Савелий, – завтра ночью выбираемся наверх и бежим напрямик к метро. А может, еще ближе на что-нибудь полезное набредем – магазин или еще чего. Мы же ни разу не были за пределами парка из-за этих дедов-перестраховщиков. А теперь бери дрова, и я чурбаки прихвачу, а то деды неладное заподозрят.

Стас торопливо собрал охапку поленьев, и они пошли обратно в большой подвал.

На следующий день Стас и Савелий принялись заранее готовиться к ночной вылазке. Собирались, как на охоту, но еще более тщательно. Приготовили запасы еды – несколько лепешек и копченое мясо, – осмотрели оружие. Савелий решил взять пистолет Макарова, Стас выбрал пику, с которой лучше умел управляться – старый пистолет казался ему ненадежным. Приготовленное снаряжение сложили в углу комнаты.

– Мальчики, куда собираетесь? – прозвенел голосок Ксюши.

Стас вздрогнул. Но Савелий как ни в чем не бывало ответил:

– На охоту. Может, крысоловка добудем.

– А пика тебе на кого нужна? – усмехнулся наблюдавший за этой сценой Матвей.

– Ну мало ли кто по дороге попадется.

– А проводите меня до огорода, – попросила девушка. – Хочу травки нарвать для супа. Вернетесь – я вам вкусенькое сготовлю.

Стас снова вздрогнул. «Интересно, скоро ли мы вернемся?» – подумал он.

– Ксень, да может, мы сами нарвем? – спросил Савелий, который явно не хотел, чтобы девушка увязалась за ними, ведь ее потом придется отводить обратно, и столько времени будет потеряно. В другой раз он бы с радостью погулял с Ксюшей, только не в эту ночь.

– Ой, что вы, мальчики, вы все перепутаете, – засмеялась Ксюша. – Да я мигом нарву, вы меня обратно даже можете не провожать, просто посмотрите, как я до входа добегу. Я вам фонариком сигнал подам.

Стас знал, что она вообще-то не робкого десятка. Но надо же было кому-то рассказать ей, что неподалеку находится старинное кладбище села Дьяково. И девушка, которую не слишком пугали даже встречи с мутантами, трепетала от страха при мысли о призраках. «Эх, – подумал он с досадой, – ну и каша у нее в голове». Но тут же устыдился: действительно, как еще женщинам было коротать долгие вечера? Конечно, они рассказывали друг другу всякие байки, а тут еще и место такое странное... овраг этот... да и латник, будь он неладен. Поневоле испугаешься. Его самого иной раз пробирала дрожь, когда он слышал завывания из оврага: то ли ветер шумит, то ли мутанты охотятся, то ли души неуспокоенные стонут.

– Ладно, проводим, – решительно сказал он. – Собирайся, Ксюха.

Девушка, просияв, помчалась готовиться к выходу.

– Зачем ты? – с упреком сказал Савелий. – Так мы далеко не уйдем.

– Да брось, – отмахнулся Стас. – Выйдем пораньше, нарвет она своей травки и вернется, тогда и мы – в поход.

Вышли, когда стемнело. Небо было затянуто тучами, иной раз в просветы между ними выглядывала луна. Над головой шумели вековые деревья, многое повидавшие на своем веку, пережившие и князей, и царей, и конец времен. В овраге кто-то скулил, где-то недалеко кричали ночные птицы, в реке что-то сильно плеснуло.

Река... С одной стороны, она защищала их – центр заповедника находился на обрывистом берегу. С другой – из нее иной раз такие создания выползали, что люди только крестились в страхе, как встарь. Старшие строго-настроено запрещали молодежи туда соваться. И лишь зимой, когда река замерзала, можно было пройти по льду. Но далеко уходить боялись, потому что осмелевшие от голода хищники так и рыскали вокруг в поисках добычи.

– Неужто рыба? Наверное, огромная, – проговорила Ксюша.

– А может, русалка? – подначивал ее Савелий.

– Да ну тебя, – обиделась девушка.

– Да ладно тебе, Ксюха, мы тебя ни на какую русалку не променяем.

Стас чувствовал: Сава шутками пытается отогнать волнение. Они ощущали себя такими маленькими в этой чаще. Их отчаянная затея стала вдруг казаться невыполнимой.

Но вот они миновали частокол, сооруженный для защиты, по тропинке дошли до огоро-дов. Ксения торопливо принялась рвать что-то, а ребята огляделись. Вокруг все стихло. Только ночная птица продолжала заунывно кричать в листве деревьев. Стасу вдруг показались глупыми его страхи. Но и уходить далеко от дома расхотелось. Лучше вернуться назад, Ксюша что-нибудь вкусное состряпает.

– Мальчики, я уже все, – Ксения держала в руке пучок травы, – а может, дойдем до пруда, сети проверим?

– П-пошли, – облегченно выдохнул Стас, успев краем глаза заметить, как Савелий укоризненно покачал головой.

Дойдя до пруда, ребята осторожно зашли в воду и принялись доставать сеть. В нее попалось несколько крупных бледных рыб, чуть светящихся в темноте, и пятнистая ящерица с жабрами. Ящерицу Савелий кинул обратно в пруд, а рыбу сложил в мешок.

– Нечего тянуть, провожаем Ксюху и идем, – успел он буркнуть Стасу.

– Вот славно-то, – радовалась Ксюша. – Супчик рыбный сварим!

«Только доведется ли нам его попробовать», – мрачно думал Стас.

Они двинулись обратно по тропе через лес.

– Ну все, тут уже чуть-чуть осталось, дальше я сама, – объявила девушка, когда между деревьями показался просвет.

– Да ладно, давай до входа доведем уж, – проворчал Савелий, вручив ей мешок с рыбой.

– Чего вы боитесь? Чужие здесь не ходят. И звери наш запах чуют, стороной обходят. Я быстренько добегу.

– Ну ладно, тогда фонариком мигни, как у входа будешь. – И ребята остановились, глядя ей вслед. Вот ее фигурка на секунду скрылась за деревом – и тут тишину вспорол истошный вопль девушки:

– А-а-а-а!

Не стовариваясь, парни кинулись вслед. Пробежав с десятков метров, они едва не сшибли Ксюху. Стас облегченно вздохнул, увидев, что она жива, что ее не растерзали дикие звери, но тут он глянул вперед – и кровь застыла у него в жилах.

– Прикольно! – выдохнул рядом Сава.

В свете появившейся из-за туч луны они отчетливо разглядели огромную фигуру древнего воина в остроконечном шлеме, сжимающего в одной руке копьё, в другой – щит. Парни замороженно смотрели на это явление. И еще долго могли бы стоять так, но вдруг эта загадочная фигура сделала шаг по направлению к ним.

Тут уж все трое, как по команде, кинулись бежать не разбирая дороги. Ломились сквозь кусты, падали, спотыкались. Наконец, Савелий рухнул, на него налетела Ксюша, и тут же рядом свалился Стас, чувствуя, что больше не сможет сделать ни шагу, пусть даже вся древняя орда гналась бы сейчас за ними вместе с призраками кладбища.

Они лежали, тяжело дыша и прислушиваясь к ночным звукам. Но постепенно стало ясно, что их никто не преследует. Тогда Савелий осторожно встал.

– Уф, – выдохнул он. Протянул руку Ксюше. Стас поднялся сам. Они стояли среди деревьев, окруживших их ровными, плотными рядами.

– А где это мы? – оглянулся Стас.

Савелий пожал плечами. И облегчение тут же уступило место новому ужасу. Кажется, они заблудились.

Глава 2

НА ОБЛОМКАХ «ИМПЕРИИ»

– Шторм, к коменданту!

Вячеслав Шторм поднялся и торопливо зашагал через всю станцию «Выставочная» к помещению, где располагался штаб начальника, гадая, зачем понадобился на этот раз. Охранники опять подрались? Пошли слухи о том, что мутанты прорываются со стороны реки? Кто-то у кого-то стащил ботинки? Шторм был одним из замов начальника по общим вопросам, и обязанности его были довольно расплывчаты, а это значит, что ему отвечать приходилось за все и спросить с него могли в любой момент за любую мелочь.

И еще маленьким червячком шевелилась внутри мысль: как бы все-таки не догадались.

Еще в тот день, двадцать лет назад, когда мир полетел к чертям, как только стало ясно, что происходит, Вячеслав первым делом уничтожил свои документы. Никто не должен был знать, кто он. Вся информация хранилась в компьютере, стоявшем на его рабочем столе, в кабинете, расположенном на высоте пятнадцати этажей – туда никто не осмелится сунуться, ведь на выступах полуразрушенной башни «Империя» давно уже гнездились вичухи. А даже если бы кто и сунулся, то вряд ли сумел бы включить комп? Так что самое ценное хранилось у Вячеслава в голове. И если бы узнали, какой информацией он располагает, то постарались бы вытрясти ее из него любой ценой, потому что только он один на этой станции хоть как-то представлял себе размеры Катастрофы и мог догадываться, чем все обернется в будущем и что происходит сейчас в большом метро. А руководство лишь делало вид, что руководило: нач-станции, переложив почти все заботы на замов, пил у себя в подсобке и лишь изредка выходил к народу, стараясь сохранять достойный вид, что с каждым днем давалось ему все труднее. Естественно – ведь те, кого время от времени посылали на разведку в туннель, как правило, бесследно исчезали. И лишь один раз труп разведчика был найден совсем недалеко от станции – в руку ему вонзилась отравленная игла. В тот день больших трудов стоило сдерживать панику среди населения. Для этого специально пустили слух, что парень якобы умер от разрыва сердца – это в двадцать-то с небольшим. И только Шторм догадывался, что произошло на самом деле. Именно по его совету был замурован туннель, ведущий от соседней станции «Деловой центр» к станции «Парк Победы».

Станция «Выставочная» была открыта буквально за несколько лет до Катастрофы: оформление в стиле хай-тек, стекло, нержавеющая сталь, серые колонны, серый пол. Раньше казалось, что это очень стильно. Но совсем другое дело, когда приходится жить здесь постоянно и изо дня в день видеть эти серые стены. И люди принялись как-то бороться с этим. Сначала в ход пошли пестрые ковры, найденные в расположенном выше торговом центре. Потом возникла другая проблема: их слишком трудно было чистить в этих условиях. И тогда народ просто разрисовал стены, и периодически рисунки обновлялись. Галереи верхнего яруса станции были отданы под жилье. Там люди, как могли, оборудовали себе жилые отсеки: кто ширмами отгородился, кто предпочел палатку.

Проходя по станции, Шторм разглядывал бледные лица провожающих его глазами одностанчан. До чего же они изменились все-таки. Вон, например, та, Вика, которая возится с тремя малышами. Она спустилась в метро худенькой девчонкой в короткой курточке, мини-юбке и на высоких каблуках. Теперь же она выглядела осунувшейся, замотанной матерью большого семейства. А вот ее подруга Ленка, которая когда-то больше всего на свете дорожила своей сумочкой, украшенной стразами. В этой подтянутой, решительной особе в костюме защитного цвета сейчас уже и не признаешь ту нескладеху. Теперь она всем охранникам нос утрет по части метания ножа. Что делать – жизнь заставила. Спустилось тогда в метро и стадо офисных

хомячков, и им тоже пришлось приспособиться к новой жизни, а те, кто не хотел или не мог, погибли в числе первых.

В тот день, когда раздался сигнал тревоги, народ валом повалил из башен куда ни попадя. Хотя бежали не все: некоторые растерялись, кто-то, по слухам, оказался в ловушке заблокированных автоматически этажей. Кто-то пытался выброситься в окно, совсем забыв, видимо, что окна в башне в принципе не открываются. Поговаривали, что до сих пор вокруг башен бродят призраки этих несчастных. Самые умные прибежали на станцию метро. Там собралось много людей, которые все прибывали – станция непосредственно соединялась с торговым центром. Но потом эта бешеная толпа стала рассасываться – многие ушла по шпалам в сторону «Киевской». Никто не знает, как сложилась их судьба. Шторм ушел бы с ними, но в давке ему сильно повредили ногу. А к тому времени, как нога зажила, прошел слух, что туннели к «Киевской» разрушены.

Заглядевшись на Ленку, Вячеслав чуть не влетел в развешанное поперек станции белье. «Совсем распустились! Надо все-таки думать о том, как люди тут будут ходить», – раздраженно подумал он. Воду для стирки жители станции приладились добывать из Москвы-реки, благо она была совсем рядом. Соорудили сложную систему фильтров и старались не думать о ее качестве, надеясь, что за двадцать-то лет она хоть чуть-чуть очистилась от мазута. Правда, теперь людей подстерегала другая опасность: не раз даже сквозь самые мелкие фильтры проникали какие-то крошечные насекомые, и суеверные женщины боялись, что на станцию попадет какая-нибудь зараза. А что было делать – не кипятить же воду, этак никаких дров не напасешься. И так уже практически всю деревянную мебель, какую смогли добыть в торговом центре этажом выше, давно сожгли. В ближайшее время проблема топлива грозила обостриться.

Торговый центр вообще разграбили довольно быстро, и первое время многие щеголяли в добытых там обновках. Потом несколько человек умерло, и наверх с тех пор выходили только самые смелые, тщательно упаковавшись перед этим в химзу и противогазы, удачно найденные в одном офисе, бывшие хозяева которого то ли предвидели надвигающуюся угрозу, то ли просто проводили учения по гражданской обороне. Как бы то ни было, обитатели станций не раз поминали добрым словом этих неизвестных им предусмотрительных людей. Но на настоящий момент оставалось всего с десятков противогазов, а костюмов химзащиты – и того меньше. Остальные либо пришли в негодность, либо сгнули на поверхности вместе с хозяевами.

Споткнувшись о чей-то сапог, Шторм наконец добрался до подсобки, где обитал комендант. На полу там лежал роскошный когда-то ковер, принесенный все из того же торгового центра. Комендант сидел за столом, удобно развалившись в кресле. На памяти Вячеслава под ним сломались уже четыре, это было пятое. И, с учетом его привычки откидываться всем корпусом назад, можно было предположить, что этому креслу тоже скоро придет конец.

Шторм остановился, вопросительно глядя на коменданта. Отношения у них были сложные. Начальник до Катастрофы был охранником, а Вячеслав трудился совсем в иной сфере: зарабатывал на жизнь умственным трудом. Естественно, хамоватый комендант недолюбливал Шторма, а тот отвечал ему взаимностью. Его безумно раздражали хабальские манеры начальника. Но в сложившейся ситуации им приходилось терпеть друг друга.

– Садись! – кивнул комендант на скамью у стены, достал из сейфа за спиной бутылку коньяка и пару стаканов, налил, чокнулся с Вячеславом и, опрокинув коньяк себе в рот, меланхолично захрустел сушеными грибами, лежащими в блюде перед ним. Шторм последовал его примеру. От сердца у него немного отлегло – кажется, пока комендант ни о чем не догадался.

– Рябчук сегодня ходил к реке, – без предисловий начал тот, – и говорит, что там вроде какие-то твари появились, каких раньше здесь не было.

Вячеслав пожал плечами.

– Как появились, так и уйдут.

– Нет, я хочу, чтоб ты пошел и проверил. Еще не хватало нам заполучить опасных соседей. Лучше разобраться с ними, пока не стало поздно. Сам знаешь, Рябчуку я доверять не могу, на тебя вся надежда.

Рябчук был одним из тех немногих, с кем отношения у Вячеслава не сложились с самого начала. То ли этот гад что-то подозревал, то ли просто имел вредный характер, но он всячески старался подставить Шторма, сделать так, чтобы тому поручили самую тяжелую и опасную работу. Вячеслав даже не был уверен, что Рябчук и впрямь что-то видел на реке. Может, просто присочинил, или ему померещилось в алкогольном бреду. – А где он их видел? – уточнил Штурм.

– Да за мостом, где катер стоит у причала.

– Так это ж от нас далеко.

– Вовсе не так далеко, как кажется. Не в службу, а в дружбу, Штурм, сходи, а?

Вячеслав вздохнул. Комендант, понимая, что тот почти согласился, плеснул еще по полстакана.

– От радиации лекарство, – он хохотнул. – Сейчас ступай, отдохни. Чтоб к вечеру был как огурчик. Всего делов-то – туда и обратно.

Ничего себе. Штурм в ту сторону вообще ходить не любил, еще и потому, что где-то там, по слухам, находился ботанический сад, в котором расплодилось много забавных растений и зверушек, так и норовивших разбежаться по всему району. А где именно находится этот сад, никто толком не знал. Вдобавок неподалеку от набережной, возле железнодорожной станции с каким-то причудливым названием, был огромный пустырь – тоже место довольно мрачное. Хотя, если подумать, вся Москва представляла собой сейчас довольно неудобное место.

Вячеслав вновь и вновь обдумывал планы побега в большое метро. Ближе всего к Выставочной находились станция «Улица 1905 года», а с другой стороны – Филевская линия. На Филевской ветке многие станции лежали на поверхности, и ничего хорошего там быть не могло, а вот насчет «Улицы 1905 года» стоило подумать. Штурм ругал себя за то, что не ушел раньше. Но раньше он еще питал иллюзии по поводу того, что спасти удастся всех. Слишком поздно Вячеслав понял, что люди, вставшие во главе станции, не желали рисковать, их вполне устраивало быть первыми здесь, нежели воссоединиться с обитателями большого метро и быть там на вторых ролях. И может, они были по-своему правы. Но Штурм надеялся найти там кого-нибудь из знакомых, близких. А пока он колебался, станция «Парк Победы» стала пристанищем дикарей. О, Вячеслав мог бы кое-что рассказать об отравленной игле, убившей разведчика. Но тогда неизбежно к нему возникло бы слишком много вопросов, на которые он не готов был давать ответы.

Ближе всего к станции был мост «Багратион»: застекленный, оборудованный эскалаторами, заставленный сувенирными киосками. Понятно, что теперь эскалаторы уже заржавели, стекла были по большей части выбиты. Но Штурму нужен был не этот мост. Туда, куда его послали, проще всего было дойти от следующей станции – «Международная», тем более что идти-то до нее было всего ничего – с полкилометра примерно. Самый короткий, наверное, перегон во всем метрополитене.

Станция эта казалась маленькой после просторной «Выставочной»: узкий центральный зал, проходы к платформам проделаны в стенах. Вячеславу она больше всего сейчас напоминала закопченную пещеру. Он слышал, что для ее оформления использовали какие-то элитные сорта мрамора. Но теперь стены были грязными, залапанными. Сходство с пещерой довершал костер, у которого несколько человек резались в карты. Здесь жили те, кому хотелось находиться подальше от глаз начальства, и порядки здесь царили самые анархические. У Вячеслава даже документы не проверили. Впрочем, его тут знали в лицо, как и почти всех остальных, любого чужака вычислили бы сходу. Наверное, так успевает познакомиться весь экипаж подводной лодки, находящейся в плавании годами.

Вячеслав скрипнул зубами – вот этих бездельников отправить бы на поверхность.

– Здорово, Шторм, – приветствовали его картежники. – Далеко собрался?

– К реке.

– Ну, удачи тебе!

Шторм облачился в химзу, и ему открыли ворота. По мертвому эскалатору он поднялся в просторный вестибюль, заваленный всяким хламом.

Вот и выход. Он и до Катастрофы наводил на Вячеслава тоску, поскольку находился под мостом, и каждый, ступив на узенький тротуар, видел несущиеся мимо машины, вдыхал угарный газ. Прямо перед глазами – серые башни, за спиной – серый мост, за мостом какая-то железнодорожная платформа и тот самый пустырь, который в летнее время выглядел еще ничего, а зимой – вовсе мрачно. Сейчас на город опустилась летняя ночь. Машины, оказавшиеся в этом месте в роковой момент двадцать лет назад, так и застыли навсегда. В некоторых еще сохранились трупы водителей. И угарный газ не шибал уже в нос – впрочем, в противогазе никаких запахов Шторм бы все равно не почувствовал. Интересно, чем здесь пахнет теперь? Гнилью?

Но задерживаться было некогда. Рядом, в реке, что-то сильно плескалось. Вячеслав осторожно двинулся под мост – там, на набережной было что-то вроде чахлого бульварчика. Бульварчик постепенно переходил в настоящие зеленые джунгли, по левую руку был пустырь, потом начиналась промзона. Ну и местечко – здесь и до Катастрофы-то было неуютно, гранитной набережной уже не было, а в загаженных кустах какой только дряни ни валялось. А теперь сюда и вовсе мог сунуться только самый отчаянный. И что, интересно, понадобилось здесь Рябчуку?

Вот и катер. Он чуть покачивается на волнах, пришвартованный к железной тумбе на берегу. Стоп, а что это там, возле самой воды? Берег здесь высокий, не разглядеть. Вячеслав посветил фонариком. Какие-то огромные насекомые... или нет? Вроде раньше здесь таких не было. Как же их разглядеть получше? Шторм осторожно шагнул по прогнившим мосткам на палубу катера. Они угрожающе затрещали, но выдержали. Отсюда лучше было видно, что творится у берега. Вода так и кишела крупными, с собаку величиной, существами в хитиновых панцирях с фасеточными глазами. Некоторые из них замирали в луче фонаря, но потом вновь принимались шевелиться. Кажется, они доедали тушу какого-то животного покрупнее. Вячеслав вдруг услышал треск совсем рядом. «Кто здесь?» – спросил он, зная, что вряд ли услышит ответ. И, взяв автомат наизготовку, осторожно шагнул, огибая каюту, чтобы увидеть, что творится на берегу. Следующий шаг сделать Вячеслав не успел – что-то с силой ударило его по голове, и он провалился в небытие.

Очнувшись, Вячеслав долго не мог сообразить, где находится. Его качало. Сначала Шторм думал, что это у него голова кружится, потом понял, что качалось суденышко, на палубе которого он лежал. От осознания действительности он пришел в ужас. Неизвестно, сколько времени провел он в бессознательном состоянии – хорошо, что не свалился в воду.

Лежа на спине, Вячеслав кое-как повернул голову – справа маячил многострадальный Белый дом, выглядевший, словно после артобстрела. А перед собой он увидел уходившую в небо высотку – гостиницу «Украина». Вдали, в свете луны, видны были башни Делового центра, от которого его суденышко медленно удалялось. По крайней мере, теперь Вячеслав знал, где находится. С одного из выступов высотки сорвалась вичуха и спланировала на парапет, явно присматриваясь к лежащему на палубе катера человеку. Шторм постарался затаить дыхание. Что лучше – прикинуться мертвым или, наоборот, дать ей понять, что жизнь свою он продаст недешево? К счастью, через несколько минут вичуха решила, что Вячеслав не заслуживает внимания, а тем временем и катерок скрылся под мостом, по которому пролегал Куту-

зовский проспект. Шторм осторожно повернулся, чтобы видеть, что творится впереди. Катер несло течением мимо серых громадин сталинских домов, значит, скоро будет Киевский вокзал. Мелькнула мысль: а не попробовать ли пристать к берегу и добраться до метро? Вдруг, как он и предполагал, там живут? Подумав, от этой идеи он с сожалением отказался. Шторма охватил страх – что, если он ошибается, и жизнь теплится лишь в Деловом центре? А если, добравшись до Киевской, он обнаружит там лишь разруху и запустение? А может, и добраться не получится – кто знает, какие твари обитают сейчас в этом районе? А он еще слишком слаб. Лежа на палубе, Вячеслав прислушивался к тому, что происходило вокруг. В реке шла своя, загадочная жизнь: вот выскочила из воды длинная рыба, охотясь за кем-то, вот громкий всплеск раздался справа. Новые обитатели Москвы-реки не обращали, казалось, внимания на несомый течением катер, и это радовало. Если бы хотя бы на миг заподозрили, что на борту есть чем поживиться, Шторм не дал бы за свою жизнь и пустой гильзы.

Дома по левую сторону сменились темной массой деревьев. «Парк возле Новодевичьего монастыря», – сообразил Вячеслав. Ему даже показалось, что вдали, на холме, он различает знакомые красно-белые башенки, но то, конечно, был всего лишь обман зрения. Потом джунгли обступили реку уже с обеих сторон. Ну конечно, справа – Лужники, слева – Воробьевы горы. Где-то там, на холме, стоит легендарная высотка Университета. А может, ее уже нет, кто знает. Из чащи доносились крики ночных животных, и Шторм поежился. Самое время вспомнить об оружии. К счастью, автомат остался при нем, и Вячеслав устроился поудобнее, так, чтобы в любой момент можно было им воспользоваться. Кто же все-таки одним ударом по голове отправил его в это путешествие?

Тут катер вдруг накренился, и Вячеслав судорожно зашарил руками в поисках опоры. Из воды показалось толстое черное щупальце и принялось тыкаться в борт. Шторм похолодел – неужели тварь учуяла его? Катер еще пару раз сильно качнуло, но потом монстр оставил его в покое. Вячеслав видел, как гладкое черное тело на мгновение мелькнуло в воде и ушло в глубину.

Слева тем временем вновь появились каменные громады – Фрунзенская набережная. Значит, справа Нескучный сад уже сменился Парком имени горького отдыха, как называл его один из знакомых Шторма в прежней жизни. Вот и Крымский мост с его провисающими цепями, а справа сейчас будет парк Музеон. И по-прежнему стоит над рекой огромный Петр Первый на маленьком паруснике, держа в руке свиток и глядя на мертвый город. Шторму почудилось что-то злорадное во взгляде царя. «Коли Петербургу быть пусто, так и Москве не поздоровится», – словно бы думал он. Свиток в его руке блестел как надраенный. Наверное, у местных вичух примета: чтоб охота была удачной, надо посидеть на статуе императора. Слева в лунном сиянии возвышался храм. Вячеслав тут же вспомнил, что на куполе должно быть гнездо вичух. И вот они, легки на помине – приняли эстафету. Они кружились над катером, хрипло крича, и Вячеслав мысленно уже готовился к последней битве. Но тут в реке сильно плеснуло, и они отвлеклись. Шторм поднял глаза на мост возле храма – там, на кованой решетке ограждения, что-то белело. Словно белая вуаль, зацепившись за ограду, трепетала на ветру. Не может быть! Холодный пот выступил у него на лбу, но катер уже проплывал под мостом.

И тут Шторму стало по-настоящему страшно. Он понял, что сейчас неизбежно должен будет проплыть мимо Кремля. Что будет с ним, когда он увидит манящие рубиновые звезды? Кинется в воду и поплывет к ним? Минуты не пройдет, как его сожрут. Что же делать? Спуститься вниз, в каюту? Но Вячеславу так хотелось узнать, что там на самом деле? Ведь это, скорее всего, единственный шанс, других не будет. И Шторм принял решение. Обнаруженной поблизости толстой веревкой он примотал себя крепко-крепко к ручке двери каюты. Понадеялся, что она выдержит, если он начнет дергаться. Вынув нож, висевший на поясе, Вячеслав отодвинул его подальше, чтобы не было искушения перерезать веревку. А на то, чтоб развязать

узлы, времени у него уйдет столько, что Кремль останется далеко позади. Вячеславу казалось, он уже чувствует в голове постороннее присутствие, словно его кто-то изучает. «Иди ко мне», – звал голос издалека, обещая защиту и покой. Шторму так хотелось поднять взгляд на красные кирпичные башни, знакомые с детства, которые он не видел уже двадцать лет. Но в последний момент стало слишком страшно. Слева клубился дым. Откуда здесь дым? Пожар? Но нет, дым валил из труб подстанции на Раушской набережной. Этого не могло быть. Значит, чужое сознание уже завладело разумом Вячеслава, и ему мерещатся всякие кошмары. А что, если он никогда не станет прежним? Но если он еще может рассуждать, значит, не все потеряно! И все же – как хочется поглядеть на Кремль – может быть, в последний раз. Невольно Шторм бросил взгляд на реку и обомлел. В черной воде отражались развалины. Неужели Кремля больше нет? Вячеслав, не удержавшись, начал было поворачивать голову. Но тут в затылок словно вонзилась раскаленная игла, и он потерял сознание. И то ли во сне, то ли наяву успел увидеть мелькнувший по левую руку замок на берегу: черные провалы окон затянуты паутиной и плющом, вокруг носятся летучие мыши, на верхней площадке сидит вичуха в ожидании добычи. «Высотка на Котельнической», – внезапно озарило Вячеслава, и он снова отключился.

Очнувшись вновь, Шторм ощутил сухость во рту. Голова болела, все тело ломило, но он был жив. Осторожно огляделся: по берегам тянулись какие-то промзоны. Кажется, где-то неподалеку отсюда станция метро Тульская? Заметив движение на барже, пришвартованной к берегу, Вячеслав пригляделся и замер. Там суетились, шуршали, толкались странные существа в хитиновых панцирях, с жуткими челюстями, похожие на тех, что он видел в реке недалеко от Москва-Сити¹. Видимо, именно их обнаружил Рябчук. Пока катер несло мимо баржи, Шторм успел разглядеть, что в длину самые крупные достигали около полутора метров. Их членистые лапы заканчивались острыми крючками, как и раздвоенные хвосты. Внезапный порыв ветра снес бы Вячеслава за борт, если бы он не был привязан. Мелькнула огромная тень – прямо на него пикировал крылатый хищник. Шторм уже мысленно попрощался с жизнью, но, как оказалось, у крылатого демона были тут дела поважнее. Зачем охотиться на сомнительную добычу, если столько еды под носом? Он так и накинудся на членистоногих, с хрустом перекусывая их пополам. Вячеслав перевел дыхание и принялся биться с веревкой, отдавая себе отчет в том, что сейчас, привязанный, он просто подарок для любого мутанта, который вздумал бы наведаться к нему из поднебесья или водных глубин. К счастью, веревку удалось постепенно распутать.

Тем временем гранитная набережная кончилась. Дальше по берегам росли деревья и кусты. Кажется, Вячеслав оказался уже за пределами Москвы. Наконец катер вынесло на пологую отмель. Небо было пасмурным, и Шторм даже приблизительно не представлял, сколько сейчас времени. Осторожно выбравшись на берег, он побрел наугад и вскоре наткнулся на развалины дома. Скорее всего, это были остатки какой-то деревни. К счастью, в доме обнаружился подвал, заваленный всяким хламом, лежавшим тут, наверное, чуть ли не со времен основания Москвы. Нашлись там и какие-то банки с соленьями. Вячеслав, стараясь не думать о судьбе обитателей дома, рискнул открыть одну, но есть содержимое все-таки не решился. А вот мед, слежавшийся за годы до однородной плотной массы, его здорово поддержал. Затем Шторм подпер изнутри крышку подпола, чтобы не наведались незваные гости, стянул химзу и противогаз и улегся спать.

Когда он проснулся, наверху была ночь. Шторм осторожно выбрался наверх, вооружившись всем, что под руку попало. Ночь была облачной, тревожно кричали птицы. Вячеслав побрел вверх по холму, споткнулся пару раз о плиты – кажется, могильные, – затем обнаружил остатки каменного строения, забрался наверх и оглядел окрестности. Неподалеку виднелась церковь, но в темноте трудно было разобрать, так как все утопало в буйной растительности.

¹ См. рассказ Игоря Осипова «Первое задание» в сборнике «Метро 2033: Сумрак в конце туннеля».

Когда Вячеслав спустился, ему померещились в чаще какие-то фигуры, но они с визгом скрылись при приближении Шторма. Видимо, то были выродки. Хотя Вячеславу показалось, что тот, которого он успел разглядеть получше, был в химзе и противогазе. Может быть, разведчики из метро? Это вселяло надежду.

Вячеслав решил сделать подвал своим временным пристанищем. В последующие ночи он не раз выбирался на поверхность, ему удалось даже подстрелить несколько мелких зверьков, мясо которых он рискнул употребить в пищу. Видел Шторм иной раз и людей, но те по-прежнему шарахались, не подпуская его к себе.

Глава 3

ПОПОЛНЕНИЕ

Стаса, Савелия и Ксению окружал город – незнакомый и мрачный, с заброшенными, зачастую разрушенными зданиями, заросший травой и кустарником. Кое-где на местах развалин выросли уже и деревья.

В какую сторону идти, никто из них троих, разумеется, не знал, поэтому двигались наугад под испуганные всхлипывания и причитания Ксении, глухо доносившиеся из-под противогазной маски. Уныние, граничащее со страхом и отчаяньем, охватило и парней. Но, завернув за очередной полуразвалившийся дом, троица, как по команде, остановилась. Перед ними была дорога с потрескавшимся, а местами и вовсе отвалившимся асфальтом, где трещины и проплешины всюду лохматились травой и кустами. Дорога, по которой годами никто не ездил, а если кто-то ходил, то уж явно не часто. Но все-таки это был путь, который одним своим присутствием словно намекал, что двигаться следует именно по нему.

Ксюша в очередной раз всхлипнула, но в ее глазах определенно появилась надежда, видимая даже сквозь стекла противогаза. Парни же и вовсе заметно повеселели.

– З-зачем здесь, интересно, нужна дорога, если она не ведет к храму... – пробормотал Стас. Из-под маски его слова прозвучали совсем тихо, почти неразборчиво, но Савелий их все-таки услышал.

– К какому еще храму? – спросил он. – На кой нам твой храм? И вообще, откуда ты знаешь, куда она ведет?

– Да я не знаю, – пожал плечами Стас. – А про храм – это я так... Читал где-то.

– К храму или не к храму, но куда-то же она ведет, – подала голос приободрившаяся Ксения. – Наверное, лучше нам по ней и пойти.

– Это уж точно, – кивнул Савелий. – Но вот в какую сторону?

– По-моему, мы пришли оттуда, – махнул рукой Стас.

– И что? – хмыкнул Савелий. – Предлагаешь вернуться домой?

– Я не предлагаю, – вновь дернул плечами Стас, – я просто сказал.

Он осторожно глянул на друга. Тот мотнул головой и буркнул:

– Прикольно!.. Ты «просто сказал». Давай я тоже что-нибудь просто скажу. Вон травка зеленеет, к примеру. Много от этого пользы? Мы зачем вообще все затеяли – просто поговорить?..

– Ладно вам, мальчики, – протянула к друзьям руки Ксюша. – Только не надо ссориться! Я ведь понимаю, что вы оба хотите пойти дальше, что вы только из-за меня... ну... сомневаетесь. Так вот, я готова. Все в порядке. Идемте!

– Но все же куда идти? – с явным облегчением в голосе спросил Савелий. – В ту или в эту сторону?

– По-моему, мы пришли оттуда, – посмотрев на девушку, повторил Стас, вновь сопроводив слова взмахом руки. – З-значит, нам туда, – ткнул он пальцем в другом направлении, куда все трое, не сговариваясь, и двинулись.

Но прошли они совсем немного. Их заставил остановиться раздавшийся неподалеку жуткий жалобный вой. Савелий тут же выхватил из кобуры пистолет. Стас крепче сжал пику и направил ее острием в ту сторону, откуда слышался этот леденящий душу звук.

– Кто это? – дрожащим голосом спросила спрятавшаяся за спины парней Ксения.

– Н-не знаю, – пробормотал, судорожно сглотнув, Стас.

Савелий водил стволом «макарова» из стороны в сторону, всматриваясь из-под нахмуренных бровей в темноту перед собой.

– Останься с ней, – не оборачиваясь, бросил он Стасу, а сам медленно двинулся к большой мусорной куче, громоздящейся перед разрушенным зданием, бывшим, вероятно, когда-то в прошлом двухэтажным. Вой, перемежающийся плаксивым скулежом, продолжал доноситься именно оттуда.

– Я тоже... – начал было Стас, но, оглянувшись на перепуганную девушку, лишь скрипнул зубами и замолчал.

А Ксюха внезапно вскрикнула:

– Там кто-то был! Я видела!

– Г-где? – закрутил головой Стас.

– Вон там, в тех развалинах, – показала Ксюша на остатки рухнувшего дома. – Кто-то в химзе, как и мы. Увидел нас и спрятался.

– Н-надо сказать Сава, – заволновался Стас и крикнул другу: – Сава! Осторожней! В развалинах человек.

Приятель остановился. Он подошел уже вплотную к мусорной куче и что-то внимательно разглядывал там.

– Идите сюда, – махнул он рукой. – Только смотрите под ноги.

Стас и Ксения подошли к Савелию.

– Ты слышал, что сказал Стас? – спросила у него девушка.

– Слышал, – кивнул Савелий. – Но вы сначала сюда гляньте.

Там, куда он показывал, метрах в трех от них, лежало на груде мусора странное существо. Оно было размером с большую собаку или с... волка. Впрочем, судя по серой шерсти и мощным лапам, это и был волк. Вот только вытянутая морда животного была точь-в-точь как у крысы – огромной зубастой крысы со злобными красными глазами-бусинами. Крупными такими бусинами, размером с орех. И хвост у этого создания был тоже крысиным: отвратительно голым и розовым, только длиной раза в два больше самого существа. Этим хвостом оно и постукивало – то ли испуганно, то ли нервно, готовясь к атаке. Хотя – теперь друзья видели это отчетливо, – ни на кого напасть этот зверь уже не мог. Его передняя правая лапа была намертво зажата двумя зубчатыми ржавыми дугами капкана и сильно кровоточила.

– Ого! – прокомментировал Стас. – Кто это его?

– Наверное, тот, – мотнула головой на развалины дома Ксюша.

– Кого ты там видела? – спросил Савелий.

Девушка повторила то, что сказала до этого Стасу.

– Прикольно. Пошли посмотрим, – предложил Савелий.

– Т-ты уверен? – Даже через стекло маски было видно, как нахмурился Стас. – А если он там не один? Если з-заманивает нас специально?

– Не, вряд ли. Будь их много, стали бы они тогда нас заманивать? Просто навалились бы гурьбой... Или перестреляли по одному.

– А если у них нет оружия? – высказала предположение Ксения. – Увидели твой пистолет, вот и опасаются лезть на рожон.

– Ладно, – подумав, сказал Сава. – Стойте тут, я пойду проверю.

– Я не хочу тут, с этим, – кивнула головой на крысоволка девушка. – Он так на меня смотрит – жуть берет.

Савелий навел пистолет на примолкшего мутанта. Раненый зверь тут же прижал к голове уши и тоскливо посмотрел на парня.

– Не стреляй! – вскрикнул Стас. – Побереги патроны. Он уже не опасен. А мы лучше пойдем с тобой. – И, не дожидаясь возражений друга, добавил: – Мы будем держаться сзади.

– Хорошо, – кивнул Сава. – Только смотрите под ноги, тут могут быть еще капканы.

Так они и побрели вдоль мусорной кучи: впереди шел с «макаровым» в руке Савелий, за ним – Ксюша, замыкал процессию, держа наготове пику, Стас. Не успели они пройти и

половины пути до развалин, как сзади снова послышался вой. Теперь в нем, помимо жалобно-испуганных, звучали продирающие до костей ноты нестерпимой боли.

Стас оглянулся и увидел, что крысоволк принялся грызть попавшую в капкан лапу. Тут же вскрикнула Ксения, которая тоже обернулась на вой монстра.

– Меня сейчас вырвет, – проговорила она. – Может, пусть Сава его все-таки...

Савелий кивнул и быстрым шагом отправился назад. Короткий визг – и крысоволк замолчал.

Еще издали небольшая часть стены здания показалась им странной. Она словно была облицована темной квадратной плиткой, навешанной криво, как попало. Но в то же время она выглядело целой, что было удивительно на фоне общего состояния дома. Получалось, что была облицована уже после Катастрофы. Но кто это сделал? И самое главное – зачем? Чтобы навести сомнительную красоту на развалины?.. Более чем глупо. А может, это сделал тот человек, который сейчас прятался от ребят? Что ж, если они его найдут, то, вероятно, получат ответ и на этот вопрос.

Протиснувшись между упавшими на остатки стены бетонными перекрытиями, друзья очутились на заваленной битым кирпичом, сгнившими тряпками и прочим хламом, лестничной клетке. Ступени, ведущие вверх, обрывались на середине пролета. Вниз – вероятно, в подвал – тоже вели ступени, упирающиеся в очередную кучу мусора, откуда торчала ржавая спинка железной кровати. Один из прутьев этой спинки был оторван снизу, а сверху держался на одном честном слове. И сейчас этот прут медленно, с затухающей амплитудой, раскачивался. Загляни сюда ребята секунд на пять позже, они бы и не заметили, что кажущийся покой древних развалин был кем-то нарушен. Но они успели увидеть это движение и моментально сообразили: сам прут закачаться не мог, здесь не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра. А значит... значит, его кто-то раскачал. И не нужно было иметь ученую степень, чтобы сложить два и два: прут задел человек, которого видела Ксюша. Но куда он в таком случае делся?

– Прикольно, – сказал Сава. – Он что, испарился?

– Ой, а может это тоже... привидение?.. – испуганно прошептала Ксения и юркнула за спину Стаса.

Парень с трудом сдержал счастливую улыбку. Ему хотелось стоять бесконечно. Вот только не было сейчас для этого времени, и Стас это хорошо понимал.

– Мне показалось... – начал он, и Ксюша сразу же, будто опомнившись, отстранилась.

– Что показалось? – быстро спросила она.

– Показалось, будто что-то скрипнуло, когда мы сюда лезли. Как раз где-то здесь и скрипнуло.

– Скрипнуло... – эхом отозвался Сава. – Скрипнуло, скрипнуло... А что тут может скрипеть? Только вот это и может. – Он ухватился за кроватьную спинку и потянул ее на себя.

Раздался тот самый скрип, что услышал до этого Стас. Спинка кровати отошла от стены, прихватив с собой, как показалось ребятам, и ее часть.

– Это же дверь! – воскликнула Ксения.

Действительно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что железная спинка была прикручена проволокой к двери, за которой скрывался проход в стене.

Савелий распахнул эту дверь шире и, выставив перед собой пистолет, шагнул в полумрак проема. Сразу за стеной находилась небольшая, примерно метр на метр, железная решетчатая площадка, от которой круто вниз, метра на три, уходила тоже железная, с решетчатыми же ступенями лестница. Свет исходил от забранной в защитный проволочный «абажур» тускло горящей лампочки на бетонной стене в самом низу. И в той же стене была железная дверь с металлическим штурвалом по центру, который в этот самый момент медленно поворачивался...

– Стой! – заорал Сава и скатился с лестницы, почти не касаясь ступеней ногами.

Оказавшись внизу, он сунул пистолет в карман и обеими руками вцепился в штурвал, выкручивая его в обратную сторону. К нему подскочили спустившиеся следом Ксения и Стас, но их помощь уже не требовалась – Савелий потянул за дверь на себя, и та неохотно подалась.

Когда дверь удалось открыть наполовину, стало видно, что с другой стороны, повиснув на штурвале, ее держит человек, одетый в костюм химзащиты и противогаз. Дышал незнакомец очень уж часто, громко и сипло. Казалось, что он сейчас задохнется. Его силы определенно были на исходе, а дверь он удерживал исключительно своим весом, судя по всему, не особо большим. Савелий, понимая, что помеха стала чисто условной, дернул дверь со всей силы, и та тут же распахнулась полностью. Человек, не удержавшись, упал. Он тяжело поднялся на колени и сорвал с головы противогазную маску.

Ребята невольно ахнули: перед ними был старик. Не просто пожилой мужчина, а именно старик – с потным, морщинистым, изможденным лицом землисто-свекольного цвета; жидкой грязно-седой бороденкой; желтовато-пятнистой, будто пергаментной, лысиной, окруженной редкими пучками таких же грязно-седых, что и борода, волос, и с маленькими, тусклыми, налитыми кровью глазами. Единственным, что гармонично смотрелось на этом лице и вызывало невольное уважение, был нос – мясистый, крупный, красный, напоминающий вытянутую помидорину. Правда, из его ноздрей торчали пучки желтоватых волос, на каждом из которых висело по большой мутной капле, так что уважение к носу, едва возникнув, тут же пропало. У Ксении так точно. Девушка быстро отвернулась, едва сдерживая рвотные позывы.

Старик часто, словно выброшенная на берег рыба, хватал воздух безгубым и почти беззубым ртом. При этом он смотрел снизу вверх на ребят вовсе не затравленным и даже не особо испуганным взглядом. В красных глазах его читались скорее досада и усталость. Взгляд старика будто говорил: ладно, ваша взяла, добивайте.

Разумеется, ребята не собирались делать ничего подобного. Напротив, Сава наклонился к старику и помог тому встать на ноги. А после этого снял свой противогаз и спросил:

– Вы кто такой? Вы здесь живете?

Старик не ответил, лишь провел тыльной стороной ладони под носом, убрав мутные капли. Дыхание его выровнялось. Лицо становилось из свекольного просто землисто-серым. Нос тоже поменял цвет и напоминал теперь уже не крупный помидор, а небольшой баклажан. Глаза же остались кроваво-тусклыми. В них по-прежнему сквозила только усталость без малейшего намека на страх или хотя бы любопытство.

– Мы не причиним вам зла, – следом стянув с лица маску и поморщившись от резко ударивших в нос запахов, подключился к «беседе» Стас. – Просто скажите, кто вы такой и что здесь делаете. Вы ведь... немолодой уже...

– И Лени-и-ин такой молодой, и юный Октябрь впереди!.. – пропел вдруг старик сиплым фальцетом.

– Вас зовут Ленин? – испуганно пискнула Ксюша, единственная оставшаяся в противогазе.

– Ленин умер, – ответил старик неожиданно спокойным голосом. – И мы тоже умрем. Все. Совсем скоро.

Он снова надолго замолчал, изучая при этом взглядом ребят.

Стасу быстро надоели эти бессловесные гляделки, и он принялся рассматривать помещение: бетонная, метра три на четыре, коробка с голыми стенами, под потолком такая же, что и у входа, тусклая лампочка в решетчатом проволочном «абакуре» – ничего интересного... Возле одной стены стоял грубо сколоченный стол с широкой деревянной скамьей вдоль него. На столе – полулитровая бутылка, заполненная на две трети прозрачной жидкостью, металлическая, с отбитой эмалью, грязная донельзя кружка, бурые куски чего-то весьма на вид не аппетитного. Еще одну стену от пола до потолка закрывали стеллажи, заваленные разнообразным хламом – при плохом освещении и не разглядеть, чем именно. Там же – пара широких вертикальных

ячеек. В одной висело темно-серое тряпье – вероятно, какая-то одежда. Вторую занимали два костюма химзащиты – таких же, что были на старике.

– Вы тут не один? – внутренне напрягаясь, спросил Стас и кивнул на костюмы.

Сава поймал взгляд друга и задал вопрос вслед за Стасом:

– Где остальные?

Старик опять не ответил, а друзья продолжили обшаривать глазами помещение. Если тут жили еще люди, и если они были не такими старыми, как этот неразговорчивый незнакомец, то дело могло принять весьма тревожный оборот. Однако в помещении никого больше видно не было. Зато там имелись, кроме входной, еще три двери, правда, вполне обычные, деревянные, выкрашенные когда-то очень давно белой краской, от которой остались теперь только лохмотья.

– Что там? – снова спросил Савелий, указав на двери. Голос его стал при этом более требовательным и жестким. – Там есть еще люди?

– Люди встречаются, люди влюбляются, женятся-я-ааа, – снова засипел фальцетом старик. – Мне не везет в этом так, что просто беда-а-ааа...

– Хватит паясничать! – сдернув наконец с лица маску, крикнула Ксюша. – Вас же по-человечески спрашивают. Стыдно должно быть. Пожилой человек, а так себя ведете!

– А вам не стыдно? – внезапно набычился старик. – Вломились в мой дом, устроили допрос... Вы сами сперва скажите: кто такие да откуда?

– Оттуда, – буркнул Савелий.

Стас же, пытаясь смягчить ситуацию, уже более дружелюбно ответил:

– Мы из Коломенского. Идем в город. Мы просто хотим узнать, что там и как. Надеемся встретить людей и...

– Нет там никакого города, – резко оборвал его старик. – И людей никаких нет. Ничего больше нет, и не будет.

– Да как же нет, если... – начала было говорить Ксения, но замолчала вдруг, понимая, что никаких внятных доводов найти не может.

Савелий же нахмурился, переводя взгляд с одной двери на другую. Стас понимал, что надолго терпения друга не хватит, и тот пойдет проверять, что – или кто – скрывается за ними. Но странный ответ старика его, что называется, зацепил, поэтому Сава снова посмотрел на хозяина.

– Вы объясните, что з-значат ваши слова? Как это – никого нет? А мы? А вы?.. И город... ну как же его нет? Вы пошутили?..

В ответ старик снова запел:

– Снятся людям иногда голубые города, у кото-о-оорых назва-а-ания не-е-еет!..

Затем он стал стягивать с себя костюм химзащиты и вскоре стоял перед ними полностью голый. Ксюша быстро отвернулась, а Стас и Сава пожалели, что сняли противогазы – настолько мощный смрад исходил от старика. Даже при тусклом освещении было видно, какой он грязный. И до безобразия худой – практически скелет, обтянутый серой морщинистой кожей. Стас вспомнил, что видел как-то в одной из книг фотографию мумии – сейчас перед ним будто предстал оригинал этого фото.

Старик же не спеша подошел к стеллажам, повесил рядом с двумя другими такими же свой защитный костюм и нарядился в висевшее рядом тряпье, на поверку оказавшееся чем-то вроде длинного мешка с отверстиями для головы и рук. Ноги он сунул в некое подобие галош, сшитых, судя по всему, из автомобильных покрышек.

Затем он выудил из недр стеллажа мятую алюминиевую кружку и пустую консервную банку, заменяющую, по-видимому, стакан. И кружка, и банка были почти черными то ли от грязи, то ли от копоти, а скорее всего – от того и другого вместе. Старик мотнул друзьям

головой – сюда, мол, – и направился к столу. Уселся на скамью, наполнил из бутылки на треть эмалированную кружку и угрюмо проскрипел:

– Кто еще будет?

– А что это? – спросил, сглотнув, Стас, которому как раз очень хотелось пить.

– Что, что – водка, не видишь, что ли? Берег ее, родимую, аки зеницу ока. Последнюю...

Аккурат к сегодняшнему денечку берег. Так будете, нет?

– Что такое водка? – шепнул Стас Савелию. – Ее можно пить?

– Пить-то можно, но не нужно, – прошептал в ответ Сава и сказал, уже в полный голос, старику: – Нет, спасибо, обойдемся как-нибудь.

– А почему именно для сегодня вы ее берегли? – спросила Ксюша, которая о водке что-то слышала от старших, но запомнила лишь, что ничего хорошего от этой водки не бывает.

– Потому что сегодня – день рождения моего Игорька, царствие ему небесное, – небрежно перекрестился старик. – Юбилей, мать его... Полтинник.

Он шмыгнул носом, еще раз перекрестился, тут же сплюнул и залпом выпил содержимое кружки. Поежился, крикнул и потянул со стола в рот кусок бурой массы. Пошамкал беззубым ртом, проглотил и снова мотнул головой:

– Что стоите-то столбами? Поговорить вроде хотели? Так садитесь, и поговорим. Пить не хотите, так пожуйте, вон.

Савелий первым подошел к столу и присел на скамью. Принюхался, поморщился и сказал:

– Прикольно. Что «пожуйте»-то?

– А вот. – Старик подцепил грязными, заскорузлыми пальцами очередной неаппетитный бурый кусок. – Крысяк это. Вы ж там, в капкане, такого видели. За ним и шел я, когда вы... того...

Сзади кто-то судорожно сглотнул. Савелий обернулся и увидел, что побледневшая Ксения прижала руки к своему горлу. Старик это тоже увидел и усмехнулся:

– Чистоплюи. Откуда и взялись такие?

– Я же сказал, мы из Коломенского. – Стас подошел к столу и тоже опустился на лавку. – В город идем...

– В город... – буркнул хозяин. Снова налил из бутылки в кружку, выпил, отправил в рот тошнотворную закуску, неторопливо прожевал и добавил: – Идите, коли ума нет.

Цвет лица старика опять начал приобретать свекольный оттенок – сказывалась, видимо, выпитая водка. Из-за нее же, вероятно, он стал и более разговорчивым. Для начала шикнул на Ксению:

– А ну, сядь иди, чистоплюйка! Не хочешь есть – не ешь, а столбом не торчи.

Ксюша нехотя приблизилась и присела на самый краешек скамьи.

Савелий нахмурился:

– Вы нами не командуйте. Хотим – стоим, захотим – сядем.

– Коли в мой дом незваными гостями явились, так хотя бы делайте, что вам говорят. А не нравится – не держу, – резко отреагировал хозяин и снова плеснул в кружку водки. Выпил, крикнул, закусывать уже не стал и заговорил вдруг другим, почти добродушным тоном: – Так что вы там узнать у меня хотели?

– Для начала, кто вы такой? – подался вперед Сава. – Что здесь делаете, кто еще тут есть?

– Что делаю?... Живу я тут, – усмехнулся старик. – Кличут меня Павкой. Вы можете дедом

Павлом звать.

– А что это за место такое? – повел вокруг рукой Стас.

Савелий же, строго на него зыркнув, повторил часть своего вопроса:

– Кто тут живет еще?

– Кто еще?.. – Дед Павел принял задумчивый вид. – Крысы еще, бывает, шастают. Далеко, правда, потом не убегают, у меня силки да ловушки по углам расставлены. Крысы – они вкуу-уусные! Куда вкуснее крысяка. Тот жестковат для моих десен-то.

– Хватит вам дурака валять! – Савелий вскочил. – Говорите, кто еще здесь живет! Что у вас за теми дверями?

– Тихо! – подняв руку, вскрикнула вдруг Ксюша. – Помолчите немного...

Девушка определенно к чему-то прислушивалась. Парни замерли и тоже наострили уши. А вот дед Павел, наоборот, закричал, завозился, принялся что-то напевать под нос. Он явно не хотел, чтобы ребята что-то услышали.

– Помолчите же! – взмолилась девушка.

– Сейчас он у меня замолчит, – угрожающе сказал Сава и двинулся к старику. – Сейчас свяжу его и кляп в рот вставлю.

Дед Павел недовольно зыркнул на юношу, но замолчал. Даже демонстративным жестом «запечатал» рот ладонью.

В наступившей тишине и впрямь отчетливо послышалось какой-то шорох, будто кто-то скреб ногтями по дереву. А потом послышался тоненький, жалобный, совсем, казалось, детский голосок:

– Откройте! Выпустите меня!..

Теперь на ноги вскочили и Стас с Ксенией. Вместе с Савой они бросились к одной из трех дверей, из-за которой и доносились эти звуки. Друзья, мешая друг другу, стали толкать и дергать дверь, однако та была заперта и не поддавалась.

– Кто там у вас? – обернулся к старику Савелий. – А ну, открывайте немедленно!

– Чего это вдруг? – угрожающе произнес хозяин. – У себя дома я командую.

– Вы держите взаперти ребенка! – вскинулась Ксюша. – Вы не имеете права! Он, наверное, голодный! Или больной... Да как же так можно?! – Казалось, еще немного, и она кинется на старика с кулаками.

– Ребенку третий десяток пошел уж... – буркнул старик. И неохотно пояснил: – Внучка это моя, Матрешка. Она и впрямь больная. Но не организмом, на голову слаба. Сидит там, чтобы себе ж не навредила. Так что нечего тут хай поднимать.

– Открывай! – взвился вдруг Стас, сам не понимая, что на него нашло. В голове и где-то в груди у него стало вдруг так горячо от вспыхнувшей ярости, что казалось, будто сейчас закипит кровь.

Парень, выставив свою пику, двинулся на деда Павла, и неясно, чем бы могло кончиться дело, если бы у него на пути не встал Савелий, широко раскинув руки.

– Ну, ну, осади! – прикрикнул он на друга. – Сейчас он и так откроет. Так ведь, дедок? – обернулся он к старику.

– Я-то открою. – Дед Павел забренчал вынутыми из-за пазухи ключами. – Только я вас предупредил...

В замочную скважину он попал не сразу – сказывалась, видимо, выпитая водка. А может, и струхнул старик, увидев безумные глаза разгневанного Стаса.

Едва ключ провернулся в замке, как Стас резко дернул дверную ручку. Дверь распахнулась. Парень рванулся было внутрь, да так и замер с занесенной над порогом ногой. К дверному проему тут же подступились Савелий и Ксения. Девушка, заглянув туда, охнула и зажала рот ладонью.

Впрочем, зажимать было впору не только рот, но и нос. В маленькой комнатке нестерпимо воняло немытым телом, нечистотами и еще чем-то отвратительно-тошнотворным. Забранная в решетчатый металлический кожух тусклая лампочка – еще более тусклая, чем в «зале» со столом, – почти ничего не освещала, а скорее, наоборот, лишь подчеркивала ступившийся по углам мрак. Поэтому ребятам пришлось некоторое время привыкать к такому

освещению. Но постепенно они смогли разглядеть, что почти все пространство комнаты занимала железная панцирная кровать с лежащим на ней подобием матраца, практически черным от грязи. Комнатушка казалась еще меньше, чем была на самом деле, потому что стены ее были завешаны полками. И эти полки под завязку были набиты... книгами! Но книги размещались не только на полках. Они громоздились вдоль стен, были сложены под кроватью, лежали на самой кровати и просто беспорядочно валялись на полу. Кроме кровати и книг в комнате имелось лишь цинковое ведро, содержимое которого несложно было определить по исходившему оттуда запаху.

Запах источало и то косматое существо, которое стояло на четвереньках возле распахнутой двери. Если бы друзья не слышали слова деда Павла о внучке, они бы не сразу смогли признать в этом грязном, вонючем создании девушку. Да и сейчас их терзали сомнения, тем более что обитательница комнаты была привязана за талию к спинке кровати веревкой. Первой перестала сомневаться Ксения.

– Немедленно отвяжите ее! – топнув ногой, крикнула девушка. – Это вам не животное!

Стас не стал дожидаться ответных действий старика, а просто вынул из ножен клинок и перерезал веревку, поколебался с мгновение и подал несчастной узнице руку:

– В-вставайте! И не бойтесь, мы вас н-не обидим.

– Ох, смотрите, сами потом пожалеете. – Дед Павел покачал головой и равнодушно отвернулся. Потом снова прошел к столу, сел, налил в кружку водки и выпил.

Сава и Ксюша отступили от двери, давая возможность Стасу вывести пленницу, которая, оказавшись в помещении с более ярким для нее светом, замерла и заслонила глаза ладонью. У ребят наконец-то появилась возможность лучше рассмотреть девушку. Опять же, если бы дед Павел не сказал, что внучке уже третий десяток – то есть двадцать лет ей было как минимум, – то никто из них не дал бы ей больше пятнадцати. Худющая, как и дед, она была одета в такой же, что и у него мешок с прорезанными в нем отверстиями для головы и рук. Ростом девушка была почти с Савелия, но из-за неестественной худобы все равно выглядела маленькой. А вот волосы у нее были такими же длинными, как и у Ксюши, но настолько грязными, что определить их цвет не представлялось возможным. И спутаны они были так, что походили на паклю – причем, уже бывшую в употреблении. Зато когда внучка деда Павла убрала наконец ладонь от лица, все ребята одновременно ахнули – на чумазом длинноносом лице светились такие огромные, такие зеленые – под изумруд – глаза, что вся грязь и вонь будто разом слетели с девушки.

– Ни хе... – начал было Савелий, но тут же закашлялся, покраснел и отступил за спины друзей.

Девушка же улыбнулась вдруг (зубы у нее оказались удивительно ровными и белыми, даже Ксюша позавидовала), обвела ребят своим изумрудным взглядом и спросила, певуче и мягко:

– А вы кто?

– Ну-у... – протянул Стас, чувствуя, что все слова вылетели вдруг из головы.

– Знаю-знаю! – Чумазая красавица захлопала в ладоши. – Ты принц, и ты пришел меня спасать! А это твои верные слуги.

– Прикольно! – Забыв о смущении, Сава вынырнул вперед. – Мы с Ксюхой, стало быть, слуги? А Стасик – прррынец?.. А ты тогда кто – прррынца?

– Не надо, Савелий. – Ксюша взяла друга за руку. – Ну не надо, прошу, ты же видишь... – И, обернувшись к зеленоглазке, спокойно и дружелюбно сказала: – Мы не слуги. И принца среди нас нет. Мы такие же обычные люди, как и ты. А здесь мы оказались случайно.

– Случайно?.. – Девушка, словно задутая свеча, моментально потухла взором. – Значит, вы меня не спасете...

– А от кого тебя надо спасать? – спросил Савелий. – От него, что ли? – Он мотнул головой на деда Павла.

– Да, от него... Он никуда не пускает меня, привязывает, бьет... И почти не дает воды.

– Где я ее возьму, воду-то?! – старик подскочил и, пошатнувшись, едва не упал. – Что я, волшебник? Дед Мороз? Так у нас тут не Устюг... этот... Великий. Это там, может, какой-нить мутант с бородой в красной шапке скачет²... А я хоть и дед, да не Мороз, а всего лишь Павел. – Он насупился и пробурчал: – Воды ей!.. Запасы давно кончились, фильтры непри... негри... негодные, да и как я ее много натаскаю-то? Река – эвон где, а мне годков-то – восемьдесят скоро!..

– Я же просилась помочь! – вскинулась девушка.

– Ага, помочь!.. Сбежала бы и пары часов после не прожила. Да и не сбежала бы, так все одно и пустого-то ведра не подняла бы, а уж с водой!.. Помощница... – Дед Павел, словно в ожидании поддержки, обвел ребят поочередно пьяным уже взглядом. – Я ведь не нарочно... Мне ведь и впрямь никак... Сколько могу... А могу мало уже... Хорошо, дожди случаются. Но и дожд... дожд... жедовой много не собрать. И фильтры, опять же... Голимую радиацию глотаем. И с водой, и с этим вот. – Он кивнул на бурую «закуску» и тут же обеспокоенно глянул на внучку: – Есть-то хочешь? Вон, тут осталось немного...

Девушка села за стол и стала жадно кидать в рот неаппетитные куски. Ребята невольно отвернулись. Дед Павел это заметил и, пьяно икнув, замахал пальцем:

– Ага, чистоплюи, не нравится вам? Вы сами-то лучше, что ли, столуетесь? А где это сейчас бывает лучше?.. Разве что там... – Он опустил палец к полу. – Вот и думаю... Принцы они, ага... Темного царства только...

– Чего-о?.. – Сава прищурился. – Дед, ты, похоже, перепил.

– Нет, я еще не допил! – Старик словно опомнился и схватился за бутылку, водки в которой оставалось совсем немного. Но и эти остатки он разделил, вылил в кружку не все, приберег еще плоток. А налитое не стал опрокидывать в рот сразу, сначала обвел всех слезящимся взглядом и, всхлипнув, жалобно простонал: – Эх, за сыночку моего, за Игоречка... Царствия бы ему небесного, да нет больше его, небесного-то, одно подземное осталось, бесовское... Так шта... прости, Игореша!.. – И только после этого проглотил содержимое кружки.

– Кто такой этот ваш Игорь? – спросила, приблизившись к столу Ксюша. – И что за подземное царство? О чем вы? Вы говорили, что ничего и никого больше нет? Как вы вообще здесь оказались, как выжить сумели?

– Рассказать? – неожиданно спросил дед и трезвым взглядом посмотрел на Ксению.

– Расскажите...

– Расскажи, деда, – сытым голосом промурлыкала внучка. – И мне интересно послушать.

– Сто раз уже слышала, – пробурчал старик, но ясно было, что и его уже пробрало на разговор, что развязала язык водка, что перед неожиданными слушателями можно облегчить душу. И он призывно махнул рукой: – Ладно. Садитесь тогда, буду рассказывать. Коль вы оттуда, – вновь ткнул он вниз пальцем, – то и так все знаете, ну да хуже все одно не будет. Потому – некуда хуже-то...

Парни подошли к столу и сели на лавку. Так уж получилось, что ближе к дедовой внучке оказался Стас. И девушка тут же прижалась к нему и горячо зашептала на ухо:

– Ты все равно мой принц, пусть и не настоящий. Ведь это же ты меня спас. И ты... красивый.

Стас почувствовал, как вспыхнули его щеки. Он хотел отодвинуться, но рядом, с другой стороны, сидел Сава. Да и дед Павел начал уже свой рассказ. Парню не хотелось пропустить чего-нибудь важного.

² Монструозный Дед Мороз из Великого Устюга и правда «скачет» по романам Андрея Буторина «Метро 2033: Мутант» и «Метро 2033: Подземный Доктор».

Говорил старик долго. И потому, что много пришлось рассказывать, а больше из-за своего состояния. Спать у него не сразу получалось произнести некоторые слова, он часто повторялся, забывал, о чем только что говорил, перескакивал с пятого на десятое, а то и вовсе бормотал нечто неразборчивое. Пару-тройку раз порывался запеть, и ребятам приходилось прилагать усилия, чтобы вернуть его к более-менее внятной нити рассказа. Но, как бы то ни было, определенный объем информации друзья все же получили.

Оказалось, что этот подвал, можно даже сказать – бункер, дед Павел (тогда еще вовсе не дед, а крепкий сорокалетний мужик) начал оборудовать еще в начале девяностых. То ли от потрясших тогда страну изменений у него слегка поехала крыша, то ли она поехала вовсе даже не слегка, а может, и вовсе была таковой изначально, но дураком дед Павел точно не был. И, хоть и не имел он высшего образования, ум у него определенно был инженерным, а уж руки, бесспорно, золотыми. Но тогда, в начале девяностых, когда развалился Советский Союз, Павел вбил себе в голову, что Бог отвернулся от своего творения – устал ли, разочаровался ли, то ему только ведомо, – и мир захватили темные силы – попросту говоря, дьявол со своей командой. «Меченого» Горбачева он считал однозначным ставленником сатаны, и по этому поводу с Павлом было лучше не спорить – крепко побить мог. Да никто и не собирался, тем более жена от него в девяносто третьем ушла, забрав с собой десятилетнего сына Игоря, а друзей он растерял еще ранее.

Но бункер дед Павел строил тогда не только для себя. Сначала думал – для семьи. Когда семьи не стало – для себя и для Игоря (жена все-таки позволяла встречаться с сыном). А уж когда в десятом году Игорь женился, и через пару лет у молодых родилась дочка Маринка, дед Павел (теперь уже настоящий дед) отдался «проекту» с удвоенной силой. В бункере было предусмотрено все: мощные перекрытия, фильтры для воды и для воздуха, огромный – на годы – запас воды и продуктов; имелся мощный дизель-генератор, запас солярки к нему, емкие аккумуляторы, печь... Приобрел он и три комплекта химзащиты с противогазами (тоже с большим запасом сменных фильтров). Правда, корил себя потом, что просчитался. Нужно было брать не три комплекта, а четыре: на себя, Игорька, его жену Иру и на Маринку. Но Маринка была еще такой крохотной, что представить ее в противогазе он просто не мог, потому и упустил из виду, что внучка вырастет. В итоге получилось, что не просчитался, а наоборот переделал, но тогда-то он этого не знал, а потому сокрушался и после... После того, как Игорещи с Ириной не стало. Когда не стало самого мира. Ведь Катастрофа была вызвана, по его словам, никакими не ядерными взрывами, а выходом наружу сил Тьмы. Поэтому и вместо Москвы теперь был Темный мир с раскрытым провалом в преисподнюю, и вместо всего остального мира – тоже. Где-то провалы были чуть меньше, где-то больше, не суть. Земля стала частью Темного мира. А Бог ушел. Уехал, улетел... И Царствие небесное переехало следом. Так что искать его теперь бессмысленно, и взывать к Богу тоже.

И так уж получилось, что как раз в день захвата мира силами Тьмы, в город по каким-то делам отправились Игорь с Ириной, оставив на деда Павла Маринку. Дед с внучкой выжили, за что он не уставал благодарить свою предусмотрительность. Дьявольские силы просто не заметили подземного бункера. Пока не заметили...

В общем, дед Павел стал жить-поживать, заботясь о внучке Маринке. Правда, он тут же переименовал ее в Матрену, потому что имя Марина ему не нравилось изначально: ну какая-то такая «морская»? Откуда море в Москве? Матрешке же было все равно, поскольку к прежнему имени она привыкнуть не успела.

Первые годы, пока не кончились запасы воды, продуктов и топлива, жилось еще более-менее, хоть и сжималось иногда в тоске и отчаянии сердце деда. А вот потом... Хорошо, что на всякий случай дед Павел запасся и панелями солнечных батарей, хотя поначалу был уверен, что Солнце силы Тьмы тоже обязательно погасят. Но этого почему-то не произошло, а потому какую-никакую электроэнергию старик мог получать. Питаться пришлось крысами и

теми мерзкими тварями, что удавалось поймать в силки и капканы. Зимой грелись у печки, в которой он сжег все деревянное, что смог достать в пределах досягаемости вокруг бункера. С водой было хуже... Все, что могло, пришло в негодность, включая фильтры. Дед Павел понимал, что они давно уже дышат радиоактивным воздухом, пьют радиоактивную воду, едят зараженное радиацией мясо, но все равно, выбираясь наверх, надевал костюм химзащиты и противогаз – это уже, наверное, стало традицией.

Он ожидал, что вот-вот заболеет лучевой болезнью и умрет Матрешка, но внучка, на удивление, словно не замечала радиации вовсе. Может, в организме девочки произошла такая вот полезная мутация? Дед Павел понимал, что мутировать мог бы зародыш, а не ребенок, который пережил Катастрофу. Но кто сказал, что причиной приспособленности организма внучки к радиации была именно Катастрофа? Дело в том, что его сын, Игореша, служил срочную на флоте, на подводной лодке, где-то на Севере, в каком-то Видяево, будь оно неладно. В общем, что-то у них там случилось. Что именно – сын не рассказывал. Вряд ли ему сильно хотелось об этом говорить, да и не мог он, наверное, ведь тогда с этим строго было. Но признался как-то по дембелю, будучи в подпитии: боюсь, мол, батя, детей у меня теперь не будет... Дите-то родилось, а вот какой оно «подарок» с отцовскими облученными генами приняло – кто знает...

Чего Матрене точно не хватало, едва ли не больше, чем воды, так это информации. Читать дед ее научил еще тогда, когда она была совсем маленькой – было в бункере несколько книжек. А потом она стала просить еще и еще. Да не просто просить, а умолять, словно и правда голодала без чтения. Пришлось разыскать библиотеку, благо та оказалась не сильно разрушенной, и натаскать в бункер целую гору книг. Он старался брать только полезные книги: учебники, справочники, энциклопедии. Но как-то принес случайно попавший в очередную стопку книг фэнтезийный роман, после чего Матрешка замучила его требованиями найти еще чего-нибудь «эдакого». В результате в голове у внучки, по словам деда Павла, образовалась настоящая каша, и она просто-напросто тронулась умом, то и дело пытаясь убежать то на поиски принца, то – волшебного королевства, а то и вовсе – секретного космодрома инопланетян, чтобы улететь с ними в иные, прекрасные миры. В итоге пришлось ее привязывать и запирать в комнате, а иногда и слегка лупить – в «лечебных», разумеется, целях.

– А вот и неправда! – подала голос Матрешка в конце дедова рассказа. – Ничего я не сумасшедшая. Просто мне тут очень скучно. Я и правда скоро сойду с ума от этих стен... Потому и убегаю... убегала. Я не верю, будто мир кончился. Не может такого быть! Я думала, что если не найду волшебного царства, то хотя бы людей встречу. Обычных людей, не обязательно принцев с принцессами. Я верю, что люди еще где-то есть! И я ведь была права – вот они, люди! И вот он, мой принц... – Девушка снова прижалась к Стасу и положила ему на плечо голову.

Савелий не выдержал и рассмеялся. Ксюша же, напротив, сидела с мокрыми глазами и так зыркнула на Саву, что тот едва не поперхнулся, но смеяться тут же перестал. Стас же готов был провалиться еще глубже под землю, пусть даже в ту самую преисподнюю, которая будто бы вышла наружу через провалы. Почему бы и здесь ей не выйти? Совсем чуточку, для него одного...

А дед Павел, закончив рассказ, допил, наконец, водку и сидел теперь, раскачиваясь и уставившись в никуда своими мутными красными глазами. Однако на слова внучки он все же отреагировал:

– Это не люди... Это бесы... Пропадешь с ними... В прис... в перespo... в преисподнюю затянут и мозг твой сожрут... Темные силы они потому шта.

Старик неожиданно замолчал, будто его выключили, и запел, подвывая:

– Вихри вражде-е-ебные веют над нами-и-ии,

Темные си-и-иилы нас злобно гнету-у-уут!..
В бой роково-о-оой мы вступили с врагами-ии...

Тут он снова «выключился», а точнее «переключился», поскольку продолжил начатое ранее:

– А душу пытаться будут... вечно пытаться... и Господь не зыс... зусть... не заступится, потому шта нету его... Умер Бог... И ты тоже умрешь... А я уже умер.

Тут дед Павел разразился вдруг могучим храпом и свалился со скамьи под стол, где и продолжал храпеть столь зычно и мощно, что ребята даже удивились. Как-то вовсе уж не вязались такие богатырские рулады с его хилым старческим телом.

– Прикольно, – Савелий сказал и поднялся. – А теперь пошли дальше. Нечего нам тут больше делать.

– Погоди, – тихо сказала Ксюша. – А что, если и правда...

– Что правда? Что мы бесы? Приспешники темных сил?

– Нет. То, что мира больше нет. Что только провалы кругом...

– Ксюха, перестань. – Стас нашел повод освободиться от Матрены и пересел ближе к подруге. – Дед Павел просто выжил из ума. Вот и про нас невесть что наплел...

– Хотя... – будто и не слушая Стаса, продолжила Ксения. – Хотя если и правда нигде нет ничего и никого, то какая разница теперь, куда мы пойдём?.. А возвращаться домой, не узнав правды, мне теперь совсем не хочется. Я не смогу с этим жить. Буду корить себя, что не попыталась узнать.

– Вот и ладно, – потер ладони Савелий, – вот и двинули. – И шутливо поклонился Матрешке: – Покеда, хозяйюшка. Счастливо оставаться!

– Как?! – подскочила Матрена. – Как это «оставаться»?.. Да вы что?.. Я с вами!

– Вот уж нет уж, – замотал головой Савелий. – Даже не думай.

– Но я... – Зеленые глаза девушки потемнели от влаги. – Но я ведь не смогу тут... теперь уже точно не смогу, когда знаю...

– Сможешь, сможешь! Еще как сможешь. Тем более дед у тебя. Он же старый. И в чем только душа держится? Как он без тебя?

– А никак, – перестала вдруг плакать Матрешка. – Он все равно не сегодня, так завтра умрет, не видите, что ли? Он ведь и сам сказал, что уже умер. Мне тогда тоже придется умереть. Даже раньше, чем он. Потому что если вы меня не возьмете, я жить не буду. Вербка есть вон, видели.

– Прикольно, – выпучил глаза Савелий. – Это что, шантаж?

– Нет, – покачала вдруг головой Ксения. – Это не шантаж, ребята. Она и правда покончит с собой, я чувствую. Надо ее взять, иначе я не прощу себе...

– А ты что скажешь, прынец? – повернулся Сава к Стасу.

– Я скажу, что в лоб тебя сейчас тресну.

– За что это?

– За прынца. Еще раз назовешь – точно тресну. Не обижайся потом.

– Так а с этой-то что будем делать? Учти, если ты тоже скажешь, что берем с собой, то нянчиться с ней ты сам будешь.

– Ну и буду, – заявил вдруг Стас неожиданно для самого себя. Вероятно, он это сказал в запале, наперекор Савелию, но отступить было уже поздно, не по-мужски.

– Спасибо... – заплакала вдруг Матрена. – Спасибо вам, родненькие! А дедушка... Вы не думайте, он без меня еще и дольше проживет. На одного ведь и еды, и воды меньше нужно...

– Ладно тебе сырость разводить, – насупился злой сам на себя Стас. – Одевайся скорей, пока не передумали.

– Во что одеваться? – удивилась обрадованная девушка.

– В химзу, во что еще-то?

– Мне... – запнулась, потупив взгляд, Матрена. – Мне не надо. Дедушка правду сказал, меня радиация не берет.

– Все равно одевайся, – сказала Ксения. – Не пойдешь же ты в этом... – махнула она на Матрешкин мешок.

– Ладно, я оденусь! Я буду делать все-все-все, что вы скажете! Только не бросайте меня, пожалуйста... – На глазах Матрены вновь заблестели слезы.

– Я ведь сказал: хватит лить воду! – прикрикнул на нее Стас.

– Кстати, о воде, – поднял палец Савелий. – Как только ее увидим – неважно, реку ли, лужу, – ты в нее полезешь. Без костюма, голая. Раз уж тебе все равно радиация нипочем.

– Зачем? – вытаращила зеленые глаза Матрена.

– Потому что ты воняешь!

Между тем на поверхности уже смеркалось. А может, так просто показалось ребятам, вышедшим под затянутое мрачными тучами небо. Но в голове у всех, кроме Матрены, сразу завертелись мысли о захвативших мир Темных силах.

– Вихри враждебные веют над нами... – пропел вдруг Стас и чертыхнулся: – Вот, черт, привязалась-то!..

– Не поминай имя лукавого, – монотонно, но очень отчетливо проговорила вдруг Матрена.

– Чего-чего? – обернулся к ней Стас. И тут же крикнул успевшим уже уйти чуть вперед друзьям: – Стойте! Скорее сюда! Тут...

А тут и впрямь происходило нечто странное. Матрена сорвала вдруг с лица маску, повалилась на землю, и ее стало крутить и выгибать, словно тонкое тело попало в огромные невидимые лапы. На губах девушки показалась пена.

Савелий и Ксюша подбежали как раз в тот момент, когда Матрена, устремив взгляд своих больших зеленых глаз в видимую ей одной точку, не переставая выгибаться, принялась вещать, заунывно и четко:

– Нету пути назад, ибо путь тот – в геенну огненную. К башням ведут пути через дворцы подземные... Не убоится кто, тот и получит все. Но просящему не воздастся, ибо с колен не взметнуться к небу.

– Мне страшно, мальчики, мне страшно, – запричитала, пятясь, Ксения. – Это все из-за меня, это я решила ее взять!..

– Ты не здесь не при чем, я тоже так решил, – попытался успокоить подругу Стас. Но девушка все пятилась и пятилась, пока не споткнулась и не упала.

Поднимать ее метнулся Савелий, а раздосадованный этим Стас повернулся к Матрене. Та уже сидела на земле как ни в чем не бывало и, глядя на поднимающуюся с земли Ксюшу, во весь рот улыбалась:

– Мы что, одновременно с Ксюшей упали? Вот ведь матрешки-то, да?

– Матрешки как раз не падают, – сквозь зубы процедил Стас. – Т-ты лучше скажи, что это было?

– Что было, Стасик, где? – Матрена поднялась на ноги и попыталась взять парня за руку, но тот отдернул ладонь. – Ты чего?.. А что вы так на меня смотрите? – перевела она взгляд на Савелия и Ксюшу. – Я что, еще больше испачкалась? Ну ничего, река-то уже близко. Я ведь помню, что мне в нее лезть нужно.

– Где река? – машинально спросил Савелий.

– А вон там, – махнула рукой Матрешка. – Ну что, идем?..

И они пошли. А что оставалось делать?

Глава 4

ЯВЛЕНИЕ ДЕМИДА

Небо на западе стремительно набухало черным. Громыхало пока далеко, но еще совсем немного, и предгрозовой вязкий штиль сменится шквалом, который принесет с собой ливень. Черт бы его побрал... Нет, опасности вымокнуть у мужчины, одиноко сидящего рядом с догорающим костерком, не было: за спиной виднелось вполне сохранившееся строение – то ли сарай, то ли сторожка. Раздражали духота и липкий пот по всему телу. Хорошо еще, что костюм не пропускал наружу вонь давно не мытого тела. Фу... Демид – именно так звали мужчину – поморщился. Эх, сейчас бы стащить с себя все, и в воду, прохладную, упругую, освежающую. Но лучше про это даже не думать. Только как, если река – вот она, руку протяни? Если слышишь, как плещутся волны по отмели, чувствуешь ни с чем несравнимый запах водорослей и еще чего-то такого... Речного, короче. Эх...

Молния с треском разорвала клубящиеся тучи. Практически одновременно резко ударил ветер. Именно ударил: старая береза, под которой доживало свой век древнее строение, закрипела и рухнула, сломавшись пополам. Хорошо хоть, не на домушку...

Демид успел затворить за собой дверь и спрятаться внутри до того, как тяжелые капли набирающего силу ливня забарабанили по крыше. Избушка на курьих ножках... Кто построил ее, и для чего? Другого человеческого жилья поблизости не наблюдалось. Может, это рыбаки себе пристанище сотворили? Собственно, какое ему до того теперь дело? Избушка приняла его, укрыла от непогоды, а кто и зачем строил – какая разница?

Гроза тем временем разгулялась... Давно такой не было. Ветхое строение стонало под напором бури, но держалось. Жутковато, конечно, мало ли кого принесет в такую ночь? Демид усмехнулся: Бабу Ягу, к примеру. Как раз для нее избушка-то. Печки, правда, нет, да и сам Демид как кандидат на бифштекс совсем негодный: и староват, и суховат, и костляв, да еще и кусается больно. Умный мут таких, как он, стороной обходит. Его же, Демида, задача – не проверять лишний раз мутантов на наличие этого самого ума, не провоцировать. А то ведь голод не тетка. Муты, они тоже живые, то есть тоже хотят жрать, спать, любят тепло и чтобы никто не мешал им жить в свое удовольствие.

С того момента, как он остался один, Демиду приходилось спать вполглаза. Не то, чтоб он жалел Жирдяя – тому участь быть слопанным в критический момент вместо Демида с самого начала была уготована, – но вдвоем все равно как-то веселее было. Да и отдых, само собой... Теперь Демид уже третьи сутки подряд был вынужден обходиться практически без сна. И даже здесь, в относительной безопасности, ему вряд ли удастся расслабиться. Всему виной побочный эффект таких синдромов, как «шило в заднице», «дурная голова ногам покоя не дает» или адреналиновый голод, если назвать это заумно. А всех сразу или по отдельности – не суть. Главное, что всем этим он был абсолютно доволен. Даже той засранкой, мухой, что укусила его тогда. Кажется, что это было уже сто лет назад...

Мафия бессмертна. С того самого момента, когда один пещерный человек спер у другого каменный топор, и до дня сегодняшнего она живет всех живых. Ни войны, ни эпидемии, ни глобальный триндец не смогли извести тех, кто живет отнюдь не за счет трудов праведных. По скудоумию своему, не иначе, начальники станций, и иже с ними, в одночасье повысившие свой статус до, страшно сказать, глав государства, объявили тотальную войну всем воришкам, нахлебникам и остальным желающим пожить за чужой счет. Благое начинание. Только бес-

полезное. Ну вычистил ты свою станцию, прогнал-пустил-в-расход-отправил на обязательные работы пару-тройку бездельников и темных личностей. Если удалось поймать, конечно. И что? Гнойник-то все равно не уничтожил, и, что до зубной боли обидно, не уничтожишь никогда. Мафия бессмертна.

Нижегородские «мафиози» обосновались на территории СИЗО-1, что на проспекте Гагарина. Тюремное начальство и конвой благополучно сделали ноги при первых же признаках опасности, бросив на произвол судьбы и своих подопечных, и нехилый в основном арсенал. Среди сидельцев нашелся тот, кто смог дикую вольницу организовать, подчинить, заставить работать. Даже тех, кому все это было «в падлу». Умный человек, однако, оказался, сумел убедить, что иначе просто не выжить. Поначалу обитатели следственного изолятора попытались перебраться с насиженного в буквальном смысле места на «Горьковскую»³, но «четвертая мировая» была, пожалуй, самой короткой войной в истории человечества: жуликов быстро убедили, что идея с переселением не самая лучшая. Те увещеваниям вяли, и с тех пор никаких попыток покинуть свою вотчину не предпринимали. Неудачным оказался и рейд «горьковчан», замысливших вскрыть гнойник, раз и навсегда разобраться с беспокойными соседями, а заодно и территорию к рукам прибрать – пригодится. Незваные гости получили вполне заслуженный отлуп. Статус-кво воцарился если не навсегда, то надолго.

Постепенно СИЗО как мини-государство вполне вписалось в политическую систему Нижнего Новгорода: его руководителей приходилось теперь приглашать на переговоры, считаться с их мнением и вести с ними дела.

При этом воровская община сохранила для всех остальных свой статус «терра инкогнита»: бывшие сидельцы свято хранили свои секреты, не допуская посторонних дальше административного здания в «первой зоне». Это же правило касалось и челноков, и сталкеров – людей пришлых, нанятых общиной. Платили братки щедро, но очереди на «фейсконтроль» из желающих заработать не наблюдалось: коль взялся за гуж, не говори, что не дюж, костями ляг, а что надо, доставь. Нужного человека сидельцы находили сами. Что-что, а разведка у них была на высоте.

– Слушай, Демид... А правду говорят, что ты в Дусте был?

Парнишка, совсем еще молодой, сказал это слишком громко, так что шумные посетители «Резвого пони» притихли, услышав волшебное слово – Дуст, то есть город Дзержинск – если на нормальном языке. «Конечно, по заводам бы там пошерстить... Тот же «Корунд» с его искусственными камушками. И еще кой с чем, про что лучше помалкивать. Но семьдесят с лишним верст... И не известно, что там еще ждет. Нет уж, увольте, самоубийц тут нет. И тут вдруг... А мужики-то и не знают».

Демид усмехнулся. Черт его за язык дернул третьего дня! Он и забыл уже, как по пьяни хвастался тут своими подвигами. Говорила мама: молчи, за умного сойдешь. Что ж это получается, теперь придется подтверждать квалификацию? Назвался груздем – полезай в кузов?

– Как я смотрю, ты сомневаешься. Завтра. – Демид немного помолчал, будто прикидывая в уме что-то. – Да, точно. Завтра в семь утра встречаемся у Ромодановского.

– Это зачем еще? – Парнишка явно не ожидал такого поворота.

– Ты про Дуст хотел? Вот и пойдем. Все сам узнаешь, потом будешь байки травить, девок завлекать. Ну?..

Мужики загалдели, посмеиваясь.

– Что, Заяц, слабо? В штаны наложил?

³ См. роман Сергея Семенова «Метро 2033: Чужими глазами».

– Да не бойсь, с Демидом как за каменной стеной, морлоку не скормит.

А вот это зря он... В случае необходимости рука не дрогнет, поэтому скормит, еще как скормит – своя-то задница дороже. Пока Демиду везло, чуйка работала, но кто знает, как оно дальше обернется, особенно, когда в незнакомое место идешь. А Дуст – Дзержинск то бишь – был местом незнакомым, если не учитывать, конечно, что Демид там родился и прожил аж целых оснадцать лет. Малая родина, так сказать, от которой, он уверен, камня на камне не стало и в прямом, и в переносном смысле. Много ли этой родине надо было, если добрая половина ее предприятий *та-акую* мерзость выпускала... Зазря Дустом не назовут.

Не сказать, чтоб Демиду домой очень уж тянуло... Да какого черта! Тянуло! Еще как тянуло! И посмотреть хотелось, что там теперь, и подзаработать, если получится. Так что Заяц подвернулся как раз вовремя: в одиночку Демид ни за что бы туда не сунулся. Плохо только, что придется раскрыть свой небольшой секрет...

Лодку он нашел случайно. Зеленого, травяного цвета, она была легкая, как пушинка. Топливный бак лодочного мотора был заправлен под завязку, а в сарае обнаружили еще запасы горючки. И что Демиду особенно обрадовало, помимо мотора в лодочке лежали два весла. «Я убью тебя лодочник...», – хрипело у мужчины в голове, пока он, стирая ладони до кровавых мозолей, учился с этими веслами управляться, но оно того стоило. Потом над лодкой он установил навес, чтоб какая тварь речная на его, Демидову, любимую тушку не позарилась. И вуаля! Красавица-лодка была готова для дальних и ближних походов. Вот на ней-то Демид и решил отправиться в Дзержинск. Вверх по Оке.

– Так, боец, слушай вводную...

Где Демид нахватался таких словечек, он и сам не знал. Понты чистой воды, но Заяц принял все за чистую монету и не просто слушал – внимал.

– Ока – река быстрая, поэтому придется потрудиться ручками. Грести умеешь? Нет? А придется, горючку экономить надо. По прибытии на место даже дышать будешь, как и когда я скажу, и от меня ни на шаг.

Парнишка только согласно кивал головой. Если честно, то Демид вообще удивился, что тот пришел, ведь вполне мог бы и отказаться. И никто бы ему и слова не сказал.

Автозавод миновали без приключений. Демиду больше всего беспокоили мосты: у быков течение всегда сильнее, да и сами мосты частенько сюрпризы выдавали. Но в этот раз ничего, пронесло. Часть пути все-таки прошли с мотором, а вот у Дзержинска опять перешли на весла. Что-то подсказывало Демиду: шуметь нельзя.

Пустынные места вообще тишину любят. Всегда любили, во все времена. Но тут была пустота особенная, зловещая. Хотя, наверное, ощущение это появлялось просто от осознания того, что на много километров вокруг людей, как, в принципе, и остальных представителей нормальной фауны, можно было обнаружить лишь в виде высохших, обглоданных ветрами скелетов.

Ближе к городу это тягостное ощущение лишь усилилось. Казалось, даже ветер перестал тут дуть...

– Заяц, глянь-ка направо.

Демид сказал это почти шепотом, но парень вздрогнул: в оглушающей тишине слова прозвучали как треск от разряда молнии в сухую грозу. Да Демид и сам почувствовал себя так неуютно, что даже в горле пересохло.

– Видишь? – он покашлял, прочищая горло. – Да не туда смотри, немного вперед.

– Валяется что-то. Куча железа.

– Куча железа... Валяется... Эх ты, неуч необразованный. Между прочим сие – объект всемирного наследия! Во всем мире таких всего две было: в Москве на Шаболовке, и вот тут. Шуховская башня называется.

– Мне тоже страшно было. Но не тронул же нас никто, правильно? Ты про менталов слышал? Может, это ментал и пошаливал. А может, так на нас пустота подействовала. Ладно. Вот тебе задание для мозгов: что странного ты видишь в этом магазине? Шевели серым веществом.

Услышав про странное, Заяц дернулся и нервно завертел головой.

– Я сказал: не страшное, а странное.

– В магазине все вроде на месте, тут явно не было никого, уже двадцать лет не было. – Парень судорожно сглотнул. – Нет в городе людей вообще. И скелетов тоже я не видел.

– Если ты не видел, это не значит, что их нет.

– И еще, ты заметил? На деревьях листьев нет. Как зимой.

Это Демид первым делом заметил. Только если Зайцу это показалось странным, то ему, Демиду, совсем наоборот: что еще от Дуста ждать?

– Так это же Дуст, Серега. Добро пожаловать!

– Уходить надо...

– Так вот прямо сразу и уходить... Успеется. Мы еще и не зашли.

На самом деле Демиду тоже было неудобно. Он вызвался дежурить первым: пожалел парня. Усталость взяла свое, и, несмотря на страхи и волнения, Заяц уснул быстро. Остаток вечера и ночь прошли спокойно: как ни прислушивался Демид, как ни ловил каждый звук – ничего не услышал.

К утру дождик прекратился и даже выглянуло солнце, но радости это не прибавило: пустые, полуразрушенные дома, ржавые автомобили и светящее над всем этим яркое весеннее солнце на фоне веселенького голубого неба. Театр абсурда.

В город решили не углубляться: делать там было нечего. Обратный путь, как и накануне, прошел без приключений. И лодочка, слава Создателю, тоже целая и невредимая, была на месте. А вот в воде их ждал сюрприз. Неприятный.

Первым щупальце увидел Демид. Тонкое, грязно-зеленого цвета, оно по-хозяйски ощупывало лодочку. Мужчина похолодел: если тварь захочет, то легко утащит ее на дно.

– Полундра! – Демид толкнул Зайца в лодку и не мешкая прыгнул туда сам.

Мгновение – люк захлопнулся, и тут же заработал лодочный мотор. Несколько секунд он работал на холостых оборотах, лодка не могла сдвинуться с места, но потом суденышко пулей рвануло вперед.

– Уф, вырвались... Ты видел?

Заяц, кажется, так ничего до конца и не понял. Кроме того, что остался жив.

– А что там... было?

– Да хрен его знает. Какая-то шибко любопытная тварь. Понравились мы ей.

– А если она за нами... ну, поплывет?

– Не думаю. Ей это вонючее болото милее, а мы сейчас на чистую воду выйдем.

Единственным желанием Демида теперь было бросить все и, не выключая мотора, драпать до Нижнего. Про Зайца и говорить нечего: наелся путешествиями на годы вперед...

– Так, Зайчик. Спешу тебя обрадовать – через пять минут остановка. Ты со мной прогуляешься или лодку сторожить останешься?

«Господи, куда-а?? Куда его нелегкая несет? Остановись, дурень безбашенный!» – вопил внутренний голос, но, не слушая его, Демид направил лодку к берегу.

– Ну?

– Я с тобой. – Парень был белым от страха, но перспектива коротать часы в одиночестве была страшнее прогулки с Демидом по жуткой промзоне. – Тогда вперед.

«Пожалуй, сегодня до «Корунда» мы не дойдем, но разведать путь можно», – размышлял Демид. Раньше он не раз бывал тут. Территория промзоны не охранялась, и на обычном городском транспорте сюда можно было легко добраться. Особенно в лихие девяностые, когда заводы тихо умирали. В двухтысячные ситуация стала меняться, но на раз-два разруху не побе-

дишь, и брошенные заводские корпуса служили разве что местом для игр местной ребятни. За прошедшие двадцать лет изменилось мало, только здания еще больше осыпались, да кусты разрослись и, что странно, на ветках были листочки. И не было здесь той убивающей тишины, что достала путников в городе. Демид быстро нашел этому объяснение: при таком количестве постоянно обсыпающегося камня, бетона и ржавой арматуры любой ветерок убьет тишину в одно мгновение.

Шли осторожно, обходя кучи битого кирпича, держась подальше от стен и прислушиваясь к каждому шороху.

Тихий свист первым услышал Заяц. Кто-то словно подавал сигнал. Пара секунд – и еще свист. Уже с другой стороны. «Демид, ты балбес! – закутились мысли в голове Демиды. – Вот этого я никак не ожидал. Что же делать? Бежать обратно к лодке? Уже далековато... Можем и не успеть. Если, конечно, это то, про что я думаю. Но и оставаться на открытом пространстве – не лучшая идея».

Он огляделся, выбирая, где в этих развалинах можно укрыться.

– Бегом! – Демид толкнул Зайца, указывая ему на одноэтажное приземистое здание, которое, судя по виду, сохранилось лучше остальных: дверь и крыша на месте, зато начисто отсутствуют окна.

Сразу за входной дверью был холл, где они быстро нашли вход в подвал. Раздумывать, таится ли там какая опасность, было некогда. На их счастье, дверь, за которой находился спуск в подвал, была массивной и закрывалась на такую же массивную щеколду.

Тук, тук, тук... Хорошо, что этот стук слышал только сам Демид. Наверное, Заяц сейчас также прислушивался к биению своего сердца и тоже боялся, что этот звук услышат те, кто снаружи. Кто они, как выглядят, насколько опасны, сколько их вообще, ни Демид, ни Заяц не знали. И узнавать желания у них не было. Просто чужие, которых по определению здесь быть не должно. Если только, конечно, это не демоны, которые, по слухам, именно в таких местах и обитают. Хотя сейчас любая вполне материальная зверушка на сто очков даст фору всякому исчадию ада.

Сколько они просидели под дверью? Час, два? Слышали, как кто-то или что-то зашло в дом, как потыркалось в дверь, и, понимая, видимо, что ее не открыть, убралось восвояси, а может, осталось в засаде, надеясь заполучить добычу тепленькой. Чьей-то добычей быть совершенно не хотелось, поэтому они решили переждать время тут, в подвале.

Осторожно спустились вниз... Помещение было огромным: территория подвала, судя по всему, выходила далеко за границы дома. Все это было похоже на какую-то лабораторию, вернее мини-завод, и химичили здесь что-то такое, явно для чужих глаз не предназначенное.

– А-а-а... пчъхи!!

– Заяц, ты сдурел?! Дебилоид, – зашипел Демид и вырубил парня ударом в челюсть.

«И вот что теперь с ним делать? Прибить совсем? И прибил бы, только теперь одному до реки пробираться стремно, – думал Демид. – Рассказать все, как есть? Что вот сейчас, сегодня, мы, два идиота, раскрыли великую тайну, которая уже никому, по сути, не нужна?»

Зайцев зашевелился.

– Ты чего дерешься?

– Тебе мамка в детстве не говорила, что не все конфетка, что в рот берут? Хочешь сдохнуть – это без меня.

– Так не сдох же.

– Какие твои годы.

«Вот так, Демид Андреич, разбогатеть хотел? Разбогател... Сказочно разбогател! Чудесного порошка тут столько, что хватило бы и на мою жизнь, и на жизнь детей и внуков. Если все это выгодно продать, конечно», – продолжал размышлять Демид. Только вот незадача: не

хотел он его ни продавать, ни тем более пробовать сам. А еще меньше хотел, чтобы про этот чудо-порошок кто-нибудь узнал. И не только потому, что находились они с Заяцем сейчас в той самой легендарной лаборатории, где гнали метадон, а, скорее, потому, что никакого желания идти сюда второй раз у него не было.

– А что это за дрянь такая?

– Заяц, я что тебе, химик? Дрянь как дрянь, такую тут пачками и россыпью в свое время гнали. И не вздумай с собой тащить, перетравишь еще всех там, если доберемся до дома.

В подвале они просидели ровно сутки. Потом осторожно, стараясь не шуметь, выбрались наружу...

Знакомый свист догнал их уже около лодки. Спустить ее на воду было делом пяти минут. Демид с трудом подавил в себе желание обернуться и показать язык неизвестным преследователям.

– Андреич, тут по твою душу пришли.

Этих двоих в «Резвом пони» Демид прежде не видел никогда. Вроде обычные мужики, но раз его, Демиду, разыскивают, значит, не такие уж они и простые.

– Демид Андреич, а не хотели бы Вы для нас поработать?..

Вот он и получил приглашение на «фейсконтроль». Только, судя по виду этих двоих, он его давно прошел.

Один из них выложил на стол пакет с кремового цвета порошком.

– Уверен, тебе порошок этот знаком.

«Ай да Заяц, ай да сукин сын!! Как провел меня, как провел!» – нервно подумал Демид, а вслух сказал:

– Ну, предположим... Что дальше?

– Нам он нужен. Сам понимаешь, такого сейчас не достать.

– А как кончится, другого-то нету?

– Это уже не твоя забота. Берешься? Вот тут, – мужчина протянул Демиду увесистый кошель, – половина. Вторая – после исполнения.

– А Заяц что ж? – не мог не съязвить Демид!

– Мальчишка он еще, куда ему! Так как?

– Берусь.

«Берется... Как бы не так! Бежать! Вот единственный выход!»

Тяжелый кошель переключал к Демиду.

Мотор в последний раз фыркнул и умолк. Сожрав остатки горючего, стальное сердце лодки замерло – теперь уже навсегда. Миром вокруг мгновенно завладела тишина, и было слышно только, как вода тихо перекачивается под бортами суденышка. Демид раздраженно выдохнул и наконец позволил себе от души пнуть заглохший движок: чертова горючка, вечно ее не хватает, как и времени, теперь придется работать руками.

Подхватив со дна лодки весло, мужчина принялся рьяно грести в сторону отмели. С каждым его взмахом лодка неумолимо приближалась к берегу. Все-таки обычное весло куда надежнее. Оно не подведет, если только зверюга какая-нибудь его не перекусит. Демид покоился на второе орудие гребли, хранившее на себе отметины от зубов водного монстра. «Не дай

бог с таким снова встретиться. Нужно быть осторожнее, черт его знает, какие твари водятся здесь?» – думал, продолжая грести, Демид.

Через несколько минут усиленной работы веслом лодка уткнулась носом в мель. Демид резво выпрыгнул и двинулся к берегу, оглядываясь по сторонам. Реку и густые зеленые заросли разделяла узкая полоска грязно-желтого песка. Замерев на границе воды и суши, путешественник напрягся, пытаясь впитать в себя все звуки окружающего мира. Спустя минуту Демид позволил себе расслабиться. Убедившись, что опасности нет, мужчина ухватился за борт лодки и вытащил суденышко на берег, осторожно опустил единственное уцелевшее весло на дно посуды и вновь прислушался.

Вечерело. Стояла безмятежная тишина. Солнце, повисшее над макушками деревьев в окружении рваных облаков, нежило землю последними лучами. Еле слышно шелестела вода на отмели, ветер шевелил ветви кустов. Идиллическая картина.

«Ну, прощай, боевая подруга», – кисло улыбнувшись, подумал Демид, поглядывая на лодку. Пришло время бросить верную спутницу и двигаться вперед, туда, где его ждали перемены.

И все-таки, кажется, он доплыл до Москвы. Позади остались мели и перекаты, разрушенные шлюзы и мертвые деревушки на пологих берегах, отчаянные схватки и убитый речными тварями попутчик. Многое пришлось пережить. И вот он в новом, незнакомом мире. Интересно, как примут здесь незваного гостя? Здесь он никому не переходил дорогу, не вмешивался ни в чьи планы. Тут все можно было начать заново.

Демид довольно потер ладони, затянутые перчатками, и подумал: «Главное – чтобы сразу не сожрали или не пристрелили. А там освоимся».

– Интересно, куда меня черти занесли? – тихо спросил сам себя Демид, приближаясь к зеленой гуще растительности, выставив автомат перед собой. Одновременно он внимательно разглядывал песок под ногами: следы каких-то мелких зверушек, ошметки водорослей, сухие ветки – ничего интересного. Демид привык доверять внутреннему чутью, и сейчас оно ему подсказывало: нужно поскорее убираться с открытого пространства.

Мужчина решил не спорить с интуицией и шагнул под сень корявых деревьев. Вдоль берега в зарослях протянулась еле заметная тропка. Выйдя на нее, Демид быстро огляделся. Лес поскрипывал сухими ветками, шелестел листвой, вздыхал и постанывал. В каждом из этих звуков могла таиться угроза, но мешкать не стоило. Через час-полтора станет темно, а ему еще нужно найти укрытие: на ночлег прямо в лесу в нынешнее время мог отважиться только конченый идиот.

Вдруг в мешанину звуков дикого леса вплелся новый, заставивший Демида насторожиться и крепче стиснуть цевье автомата. «Вроде бы на птицу похоже, хотя леший знает, кто там так надрывно стонет», – подумал Демид. Невидимая птица снова подала голос, ее крик подхватила другая, передала эстафетную палочку третьей. Где-то в глубине заголосила еще одна. Демид передернул затвор и осторожно шагнул вперед.

Прямо по курсу замаячила небольшая полянка, окруженная низкими деревцами. Мужчина быстро перевел взгляд себе под ноги. «Ага, вот оно! – мысленно воскликнул Демид, увидев на маленьком пятке грязи отчетливый след, отгиснутый чьим-то ботинком. – Значит, захаживают сюда люди. Ну, теперь надо держать ухо востро». Где-то внутри зашекетало предчувствие приключений и перемен, которые, как оказалось, уже поджидали его за изломом тропы.

Где-то впереди раздался странный звук, явно чуждый этому дикому лесу. Демид прислушался. Ему показалось, что это было похоже на сдавленный стон. Сомнений не оставалось – там, впереди, человек. Быстро шагая в том направлении, откуда пришел этот звук, Демид возбужденно размышлял: «Интересно, кто там будет – враг или друг? Сейчас узнаем!»

Сделав еще несколько беззвучных шагов, Демид прильнул к толстому шершавому стволу и осторожно выглянул из-за дерева. Отсюда тропка просматривалась целиком. А метрах в десяти от наблюдателя, раскинув руки, лежал вниз лицом человек.

Услышав шорох, раненый встрепенулся, попытался подняться, с трудом вытащил из кобуры пистолет и стал водить рукой с зажатым в ладони оружием из стороны в сторону. Демид снова укрылся за деревом, продолжая наблюдать оттуда за человеком, голова которого вскоре безвольно опустилась, и он снова распластался на земле.

Демид бесшумно выскользнул из-за дерева и в несколько шагов преодолел расстояние от своего укрытия до незнакомца. Несчастный зашевелился, снова потянулся к сиротливо лежащему на траве оружию. Демид предусмотрительно наступил ботинком на его пистолет, указательный пальцем приник к фильтру в жесте, приглашающем к разговору. Раненый словно обмяк, и даже через стекла его противогаза было видно, как страх в его глазах сменился надеждой.

– Крест, ты? – еле слышно спросил незнакомец, пытаясь задрать голову выше. – Я знал: встретите. Немного не докирлял. Гадюка, сука... падла эдакая, в ногу... – Человек замолк, собираясь с силами, вновь склонил голову к земле. Видно было, что говорить ему трудно.

Демид коротко кивнул, в то время как мозг его бешено работал, прокручивая схему дальнейших действий. Один беглый взгляд в глаза несчастного дал ему понять, что лежащий перед ним на земле человек явно не в себе. Демид помнил о гадюках-мутантах, водившихся в его родных краях. Проклятые пресмыкающиеся тоже мутировали, последовав примеру большинства животных, – конечно, не по собственной прихоти. От укуса этих тварей человек умирал в течение получаса, и последние минуты жизни сопровождались галлюцинациями и помутнением сознания. То, что незнакомец, укушенный змеей, принял его за своего товарища, было только на руку Демиду. Он размышлял: «Надо срочно выудить у молодчика как можно больше информации. Все равно он уже не жилец. Придется играть новую роль до конца».

– Переправа ведь близко? – снова прошептал человек, пытаясь пошевелиться. Рука его непроизвольно металась по травяному коврику. Потом он прокашлялся и попытался повернуть голову и снова посмотреть на Демида.

– Там... в бауле. Добыл-таки. Пахан обрадуется. – Незнакомец вновь прервался, глаза его закрылись. Через несколько секунд веки затрепетали, поднялись снова, и человек попытался сосредоточить блуждающий взгляд на Демиде. – Это дачка Борману. Где остальные, Крест?

Демид умел быстро анализировать информацию и делать выводы: «Ага, значит, рядом находится бандитский притон во главе с неким паханом по кличке Борман. Интересно, где они живут – бомбарь какой или станция метро? И где-то неподалеку переправа, охраняемая бандюками. Не зря этот чудик про «остальных» заикался. Значит, товарищи поблизости, возможно, они встречают «гонца» на переправе. И что за ценный груз у этого ходока?» Демид перевел взгляд на раненого и только сейчас заметил маленький пустой пузырек, лежавший возле головы человека. Укушенный проследил за взглядом мужчины и попытался улыбнуться.

– Успел, – с облегчением доложил «гонец», показывая пальцем на пузырек. Его голос звучал уже бодрее. – Ласты не склею, как фраер какой.

«Антидот, – мелькнуло в голове у Демида. – Да он уже отходит, чтоб его».

Раненый снова посмотрел на Демида.

– Крест, ты чего один? – неожиданно и тревожно спросил укушенный, вглядываясь в лицо Демида. – Где пацаны-то? Эй, да ты...

Времени на раздумья не оставалось совсем. Пора было вылезти из чужой шкуры и стать самим собой. Пока мозг еще пытался решить, как действовать дальше, тело само метнулось к лежащему на земле человеку. Мгновенно оседлав раненого и стиснув мертвой хваткой его голову, Демид начал с силой выворачивать ее назад. «Гонец» захрипел, стал дергаться и бить

ногами по земле, пытаясь вырваться. Демид напрягся и резко повернул голову несчастного по часовой стрелке. Раздался противный хруст, и ходок обмяк. Демид медленно разжал руки и тяжело выдохнул.

«Немного отдышаться, прийти в норму. Быстро же начались приключения!» – стараясь успокоиться, думал Демид. Потом он мысленно поблагодарил покойника за важную информацию и внимательно посмотрел на рюкзак убитого: «Что там у него за ценный груз?»

Демид резво вытряхнул содержимое рюкзака на траву. Небогато: рожок от «калаша», две банки консервов да небольшой мешочек, туго перетянутый бечевкой. Демид взвесил его на ладони, посмотрел на хитрый узел. Любопытство боролось в нем с благоразумием: «Открыть или нет? Если «гонец» так дорожил им, то находка может стать козырем в новой игре. Ладно, повременим».

Закончив с осмотром трофеев, Демид переложил все имущество ходока в свой рюкзак, приладил вещмешок убитого поверх своего, еще раз посмотрел на незнакомца: «Пора уходить, негоже оставаться рядом с трупом. Пес его ведает, какую бяку приберегла по его душу местная фауна. Вряд ли столичные зверушки – милые травоядные. Через полчаса сюда, на свежую кровь, сбегутся все хищники округи».

Вскоре Демид уже крался дальше по путеводной тропинке. Впереди показался прогал, между деревьями снова замелькала вода. Мужчина приметил растущие по краям дорожки большие пышные кусты, покрытые причудливыми резными листьями. Для временного укрытия и наблюдательного пункта – в самый раз. Нырнув в заросли, Демид немного поерзал, устраиваясь поудобнее. Отсюда он мог видеть опушку и выступ зеленого массива, доходящий почти до воды. А за ним открывалась гладь реки и виднелась длинная ржавая баржа с толкачом, упераящимся в противоположный берег.

Переправа.

Что-то тихо хрустнуло неподалеку. Демид резко повернулся и встретился взглядом с автоматным дулом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.